

18+

АЛЕКСЕЙ СУПРУНЕНКО

No pasaran

Алексей Супруненко

No pasaran

<https://litres.ru/74246369>

ISBN 9785007045452

Аннотация

Человек со знаменем республиканской Испании в первых рядах атакующих, это словно икона для верующих, которые готовы идти за ней в огонь и в воду. Если впереди идет воин со стягом и не пригибается от пуль, то ни у кого нет морального права залечь, чтобы укрыться от огня.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	32
Глава 3	66
Глава 4	74
Глава 5	83
Глава 6	91
Глава 7	138
Глава 8	153
Глава 9	167
Конец ознакомительного фрагмента.	176

No pasaran

Алексей Супруненко

© Алексей Супруненко, 2026

ISBN 978-5-0070-4545-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

Николай Сомов стоял на корме парохода, созерцая на дома прекрасного города, которые медленно, но уверенно уходили вдаль. Винты «Красного Перекопа» своим вращением создавали белый бурун за кормой, который постепенно исчезал на глади Черного моря, по мере удаления судна от берега. Красный флаг с серпом и молотом на полотнище, трепетал от ветра, вселяя в душу парня гордость за свою Советскую Родину. Чайки своими криками словно прощались с «Красным Перекопом», провожая его в далекий путь.

— Прощай Одесса, — безмолвно пошевелились губы Сомова, не решившись вслух произнести слова расставания. Этот южный город запал в его душу удивительной архитектурой и большим количеством памятников. Чего только стоила одна Потемкинская лестница и памятник Екатерине. Дери басовская улица это не Арбат в Москве, где он прожил всю свою жизнь, но если она и уступала столице по масштабам, то колорит общения местных жителей делал ее не менее привлекательной. Одесситы с их говором, это нечто невообразимое. В этот город невозможно было не влюбиться, хотя он и был здесь осенью, а не в период цветения акации, что делало Одессу еще более прекрасной. Город Николай посетил не для ознакомления с местными достопримечательностями, а чтобы попасть на теплоход, отправляющийся на Пи-

ренейский полуостров. На календаре был 1936 год и с первых полос газет по всему миру не сходили репортажи из объ-
ятой огнем гражданской войны Испании. Сомов записался в
добровольцы, и военное руководство дало ход его рапорту.
Парень вспомнил заплаканные глаза матери и сосредоточен-
ное выражение лица отца. Его родители были из «бывших»,
так любили теперь называть в советской республике тех, кто
имел дворянский титул или служил на благо царя и Отече-
ства. Его семья была ярким представителем такой прослойки
общества. Мать дворянка, отец царский полковник. Родите-
ли приняли новую власть, не от большой любви, а от неиз-
бежности. Отец устроился военным специалистом и прошел
вместе с Красной армией через все горнило гражданской
войны. За его знания и заслуги перед Родиной, Сомова Илью
Петровича пригласили преподавать военное дело в Акаде-
мии Генерального штаба, а его мать Софью Георгиевну, за-
числили в Восточный отдел академии в качестве преподава-
теля западных иностранных языков. Она дворянка, интел-
лигентная женщина, знала несколько иностранных языков
и охотно делилась своими знаниями с курсантами высшего
учебного заведения. Прежде чем парню исполнился 21 год,
Николай успел поработать в государственном учреждении,
где занимался текущим делопроизводством. Грамотные лю-
ди ценились везде. Затем парня призвали на военную служ-
бу в ряды РККА, не без помощи Ильи Петровича. По со-
ветским законам выходцев из нетрудовых сословий в армию

не призывали, а отец мечтал, чтобы его сын пошел по стопам отца и сделал военную карьеру. Уже в воинской части командиры заметили, что красноармеец имеет тягу к изучению иностранных языков. Такое его качество не осталось без внимания соответствующих органов. Физически развитый, грамотный красноармеец Сомов Николай Ильич был направлен в военную школу РККА, после окончания которой, ему присвоили звание лейтенант, и должны были определить в действующие войска в качестве командира взвода. Тут кстати, без протекции Ильи Петровича тоже не обошлось. Его преподавательская деятельность при Генштабе давала возможности обзавестись знакомствами с высшим командным составом РККА. Этими связями и воспользовался старший Сомов, чтобы продвинуть Николая по карьерной лестнице. Сейчас, в связи с тем, что в Испанию направлялись наши советники и специалисты, потребность в людях знающих испанский язык значительно возросла. Мать с раннего детства старалась сделать из сына образованного человека, наверное, поэтому заставила Николая изучать испанский язык. В жизни могло пригодиться. С ним, перед тем как удовлетворить рапорт Сомова, вкрадчиво беседовал представитель органов государственной безопасности, пытаясь убедиться, не способен ли новоиспеченный лейтенант пойти на предательство Родины. Несмотря на то, что родители доказали свою лояльность Советской власти, опасения у органов все же были. Дворянское клеймо преследовало парня всю его жизнь.

Во дворе дразнили мальчишки и даже били неоднократно, видя в Кольке некоего классового врага. Разве он был виноват, что родился в такой семье? С момента рождения и до самой революции парнишка и не задумывался кто он, и кто его родители. Поступил в гимназию, где учились такие же дети, как и он сам, а потом революция и гражданская война. Обучение прервалось, и только стараниями матери он получил нормальное образование. Именно она и привила ему любовь к иностранным языкам. В армии тоже вначале с подозрением отнеслись к его происхождению. В комсомол не приняли, зато отправили в военную школу. Комбриг посчитал, что ему нужны в первую очередь грамотные командиры, а за моральный облик и политические взгляды, пусть отвечает комиссар. Пусть он остался беспартийным, зато в петлицах красовались два лейтенантских кубаря. Николай продолжал стоять на корме теплохода до той поры, пока под дуновением холодного октябрьского ветерка не продрог до самых костей. Пришлось возвращаться в каюту. Она была двухместной, но пока второго пассажира видно не было. Неужели он сам продолжит этот путь до самой Испании? Сомов открыл свой походный чемоданчик и достал оттуда самоучитель французского языка. Если изучать испанский заставила его мать, то насчет французского языка это был его собственный выбор. Лейтенант прикрыл иллюминатор и прилег на рундук, чтобы снова проштудировать несколько страниц самоучителя. Долго заниматься не получилось. Щелкнул замок двери, и

комингс переступил молодой человек в гражданском костюме с массивным чемоданом в руках.

— Привет! — поздоровался вошедший и поставил свой чемодан рядом со свободным рундуком. Сомов присел, отложив в сторону книгу.

— Давай знакомиться. Я твой новый сосед. Палевич Александр, — протянул он руку Николаю.

— Сомов Коля, — пожал лейтенант крепкую ладонь соседа.

— Ого! — увидел Сашка название литературы, которую читал его спутник. — Ты случайно не переводчик? — поинтересовался Палевич.

Колька улыбнулся. Ему намекали на такую возможность, но он представлял свою деятельность в зарубежной стране в несколько другом направлении.

— Нет. Просто интересуюсь для себя, — смутился Сомов.

— А там, куда мы едем, французский нужен? — присел напротив лейтенанта спутник по каюте.

— Не знаю. Я его еще раньше начал учить, до того, как там все началось. Может еще пригодится. Франция — то рядом. Но я могу и на испанском, если что, — удивил соседа Сомов.

— Да ну! Скажи чего-нибудь, — попросил изумленный Александр.

— Комо этас Александр? — ухмыльнулся Колька.

— Вот так прямо на испанском? Откуда язык знаешь? Или тоже по книжке выучил? — не переставал удивляться спут-

ник.

— Мать научила, — не стал ничего выдумывать Сомов.

— Он что испанка? Ты вроде на испанца не похож.

— Она не испанка. Она преподает языки в академии Генерального штаба, — признался Коля.

— Из бывших что ли? — сразу же сообразил Палевич о возможном происхождении товарища по путешествию.

— Из дворян, — поменял интонацию голоса Сомов, догадываясь, какие последствия повлечет за собой его признание. Он убрал свою книжку в тумбочку.

— Да ты не дуйся. Я ничего против дворян не имею, коль они за Советскую власть. Давай, что ли за знакомство по 100 грамм? — предложил Александр, вытаскивая из чемодана бутылку водки и кусок сала, с черным хлебом.

— А если старший группы узнает? — высказал предосторожность лейтенант.

— А мы тихонько. Ему сейчас не до нас, — не отступал от своего парень. Сашка плеснул в стаканы горячительного напитка.

— За знакомство! Нам вместе не один день бока пролеживать. До Испании путь не быстрый. Ты какой род войск представляешь? — поинтересовался Палевич, когда влил внутрь себя порцию алкоголя.

— Пехоту, — совсем не пафосно ответил Сомов.

— А я танкист, — с гордостью возвестил Сашка. — Нас на судне несколько десятков добровольцев и советник. В ос-

новном танкисты, летчики, несколько артиллеристов и ты. Я уже со всеми познакомился, поэтому и задержался, — признался сосед.

После второй порции водки Александр и вовсе разговорился. Он оказался родом из Харькова. Из обычной семьи рабочих. Добродушный парень без всяких предвзятых отношений к интеллигенции. Общительный, открытый. Колька даже порадовался, что именно с таким попутчиком ему придется коротать свободное время. Когда в их каюту заглянул советник Петров Игорь Григорьевич, парни продолжали душевно общаться, но при этом, спиртное и закуска были надежно спрятаны. Сомов отчего — то представлял себе пребывание на пароходе, как бесцельное хождение по палубе и лежание на рундуке. Однако Петров быстро разрушил этот стереотип. Его назначили старшим группы до самого прибытия специалистов в Мадрид. А уж если он старший, то и правила распорядка назначать ему. Праздное лежание на рундуках быстро заменили утренней гимнастикой и политической информацией. Советский специалист доброволец должен был быть технически грамотным и политически подкованным. Мало того, что судно жило по своему внутреннему расписанию, ходовые вахты, прием пищи и все подобное, так еще и Петров со своими политинформациями. Капитан «Красного Перекопа» Годжек Сергей Михайлович, приазовский грек по национальному происхождению, подкинул советнику свежую подшивку газеты «Правда», из ко-

торой Игорь Григорьевич и черпал свои тезисы. Если позволяла погода, старший группы собирал добровольцев на юте или баке, и доносил им последние постулаты ЦК Компартии. Годжек, проходя мимо, лишь улыбался в свои рыжие усы и попыхивал табачком из трубки. В свободное время Сомов уединялся где-нибудь в укромном месте, чтобы написать письмо своей знакомой девушке Маше. Ему не хватило времени, чтобы изменить статус девушки на любимую или невесту. Они познакомились в Москве и после нескольких встреч стали переписываться. Каждое свое письмо Николай начинал словами: «Здравствуйте дорогая, или милая Маша». Сомов описывал свое путешествие, понимая, что эти письма возможно никогда не дойдут до адресата и поэтому гриф секретности он не нарушит. Напишет, свернет в треугольник и положит в чемодан. Когда проходили Босфор и Дарданеллы, то всех заставили сидеть по каютам, без права подниматься на верхнюю палубу. Способы доставки добровольцев и военных грузов в республиканскую Испанию были засекречены. Лишний раз показывать турецким товарищам свое присутствие на борту грузового судна, добровольцам было запрещено.

Палевичу первому надоели нудные политические информации Петрова, и он проболтался, что среди военных, отправляющихся в Испанию, имеется человек, который знает местный язык и вместо политзанятий мог бы научить добровольцев набору часто употребляемых фраз, которые при-

годились бы им в дальнейшей службе. Так с подачи своего дружка танкиста, Сомов стал учителем. Время стало бежать быстрее. Судоходство в Средиземном море было активным и поэтому все чаще приходилось находиться в каюте. Имеющееся свободное время уходило на написание писем Маше, разговоры с соседом и занятия французским языком. Когда «Красный Перекоп» минул остров Сардинию, капитан заменил советский флаг греческим. Затем приказал команде закрасить на корме надпись с названием корабля и портом приписки, поменяв ее на греческие названия. В носу с обоих бортов прикрыли советское название парохода специальными щитами с огромными английскими буквами, означающими новое название. Теперь оно звучало как «Аргос». Был такой город в Греции. Команда называла судно по-своему. Арго звучало лучше и понятней. Теперь из простых матросов все превратились в аргонавтов. Судя по всему «золотое руно», за которым те когда-то плыли, теперь находилось не в Колхиде, а где-то в Картахене. Подобная мера предосторожности не была лишней. Часть военно-морского флота, которая переметнулась на сторону Франко, осуществляла блокаду берегов Испании с целью недопущения поставок республиканскому правительству оружия и продовольствия. Разведывательное управление «Х» народного комиссариата обороны разработало ряд мероприятий по уменьшению риска встречи с кораблями франкистов и определило безопасные маршруты доставки ценных грузов. Годжек Сергей

Михайлович беспрекословно выполнял все инструкции спущенные сверху. Если наблюдать за кораблем в бинокль, то он не вызовет ни каких подозрений у военных. Простое торговое судно Греции, какие тут вопросы? Греки, запрещенные грузы в Испанию не поставляли. Ближе конечно, лучше не подходить. С расстояния десяти кабельтовых следы маскировки можно было рассмотреть, а это вызовет вопросы. Испанские националисты могли чего доброго, и торпедировать «Красный Перекоп», а этого капитан допустить не мог. Сигнальная вахта была усилена и теперь за обстановкой на море наблюдала не одна пара глаз. При появлении подозрительных кораблей Сергей Михайлович в любую минуту готов был изменить курс, чтобы избежать ненужной встречи. Чем ближе к цели, тем выше напряжение. Когда на линии горизонта появились очертания кромки земли, капитан приказал убрать щиты и заменить флаг. Снова красный стяг затрепетал на ветру, указывая на принадлежность судна. Впереди была Картахена. Уже на рейде морского порта их встретило несколько катеров и рыболовецкие шаланды. Люди на плавсредствах радостно махали советскому судну своими головными уборами и что-то кричали. Петров собрал личный состав на последний инструктаж. Основной тезис инструктажа заключался в том, что на испанской земле они находятся инкогнито и поэтому рот следует держать на замке, чтобы меньше себя выдавать и еще, что не маловажно, так это держаться группой, чтобы не потеряться. Переводчик у них был,

и теперь на плечи Сомова возлагалось задание найти транспортное средство, которое смогло бы их доставить до пункта назначения. Петров выдал всем причитающуюся каждому сумму денег, на возможные незапланированные расходы. Парни с интересом рассматривали испанские песеты, так разительно отличавшиеся от привычных рублей. На пирсе уже собралась толпа горожан, которые бурно приветствовали советский пароход. Ну, как тут не гордиться своей Родиной видя ликование простых жителей Испании? «Красный Перекоп» пришвартовался и подал трап. Добровольцы гуськом следом за Петровым спустились на стенку, проталкиваясь вперед через ликующую толпу. На прощание капитан кивнул им головой, ухмыляясь в усы внешним видом добровольцев. Одеты они были на один фасон, словно одежду покупали в единственном в городе магазине. Кладовщики на складе НКО одевали новоиспеченных специалистов, как красноармейцев. Штаны, пиджак, ботинки, шляпа, плащ, получи и распишись. Бюрократия, одним словом. Сергей Михайлович затянулся из своей трубки и выпустил изо рта колечко дыма, наблюдая, как группа его бывших пассажиров, скрывается в глубине ближайшей улицы.

Самим парням было в диковинку ступать по мощенным брусчаткой улицам. Они с интересом рассматривали дома и попадавшихся им навстречу прохожих. Несмотря на то, что сейчас календарь указывал на начало ноября, было сравнительно тепло, и теперь становилось понятным, почему дядя

Костя кладовщик отказался выдавать им теплое белье. Архитектуру Картахены нельзя было сравнить с милыми сердцу домами Одессы. Улицы узкие, дома словно прилеплены друг к другу и деревьев значительно меньше, чем в южной столице их Родины. Все вокруг не наше, не родное. К вокзалу Картахены своих сородичей Сомов привел без всякого труда. Великое дело, знание языка. Дальше все просто, по железной дороге на Мадрид. Вагоны тоже оказались не привычными. Лежачих мест не было, только сидячие места. Из Картахены в сторону столицы ехал разный народ. Крестьяне с баулами продуктов и клетками с птицей, шумная компания рабочих и военные. Ехали долго, рассматривая в окна вагона обработанные крестьянские наделы, скудную растительность равнин и виноградники на склонах холмов. Чем ближе к столице, тем меньше пассажиров. Вокзал Мадрида порадовал своей помпезностью. Здесь они слегка заплутали, но, в конце концов, им подсказали, каким маршрутом автобуса следует добираться до отеля Гейлорд. Здесь в одном из самых элегантных отелей Мадрида расположилась советская миссия. Петров доложил послу Марселю Израилевичу Розенбергу о прибытии группы советских специалистов. Парней временно разместили в нескольких номерах отеля. Коля стоял у окна, рассматривая площадь перед зданием, когда в дверь постучали, и на пороге появилась миловидная женщина в белоснежном переднике с тележкой, которую она толкала перед собой. На тележке стояло несколько бутылок вина,

фужеры и поднос с фруктами.

— Esto es paranosotros? — поинтересовался Сомов.

— Si, — кивнула головой девица.

— Угощение для нас, — озвучил Николай парням. Те долго не колебались и забрали привезенные напитки. Сашка Палевич по-хозяйски откупорил бутылки и заполнил фужеры вином.

— За прибытие!

Парни потянулись к выпивке, когда послышался гул канонады. Все замерли, повернувшись к окнам.

— Фронт совсем близко, — сказал Сомов, подходя к столу.

— За нас, — поднял Николай свою емкость с янтарной жидкостью.

— За победу! — добавил Александр.

Не успели они опорожнить эти две бутылки, как пришел служащий посольства и пригласил вновь прибывших в кабинет военного советника республиканской армии Яна Карловича Берзина. Хозяин кабинета мужчина лет сорока пяти, подтянутый, с короткой стрижкой на голове и очень пронзительным взглядом, заставил добровольцев невольно потянуться руками к верхним пуговицам рубаш.

— Присаживайтесь, — указал мужчина на стоящие в помещении стулья.

Ян Карлович строго по-военному доложил присутствующим сложившуюся в республике обстановку. Напомнил о

соблюдении режима секретности. Рассказал где и под чьим началом доведется добровольцам служить. С товарищами вроде бы как все понятно, только о Сомове не было сказано ни слова. После инструктажа военные отправились к себе в номера, дожидаться прибытия за ними новых командиров. Николай не постеснялся и подошел к Берзину, чтобы уточнить вопрос по собственной персоне.

— Ян Карлович, а что со мной? Вы ничего по поводу моего назначения не сказали.

— Вы товарищ Сомов, у нас на особом счету. Специалистов со знанием языка очень не хватает. Будем вас использовать, как переводчика по мере возникшей необходимости, — сделал он свое заключение.

— Но я же военный, а не переводчик, — напомнил Николай о своей профессии.

— Военных пока хватает, а вот переводчиков нет. Располагайтесь в номере. Когда будет необходимо, вас позовут. Ужин в 18.00 в ресторане отеля. Только не обольщайтесь. Сейчас ресторан больше похож на столовую, так что на деликатесы не рассчитывайте, — усмехнулся советник и дружески похлопал парня по плечу. Долго побыть вместе добровольцам не получилось. Сначала приехали за артиллеристом, а затем забрали и всех остальных. Сомов крепко обнял товарища по каюте.

— Может, еще свидимся? — выразил такую надежду Николай.

— Конечно, увидимся, — уверенно ответил Палевич.

— Ты только запомни мой псевдоним «Сандро». Придумали же товарищи, — улыбнулся Сашка.

— А у меня «Николас», — назвал и Коля свое новое имя.

— Тогда до встречи «Николас», — пожал ему на прощание руку танкист.

Так он и остался один. Куда идти? Что делать? Канонада подходила все ближе и ближе. Война стояла на пороге столицы. Николай завалился на мягкую постель, поглядывая на часы, стрелки которых неумолимо двигались к шести часам вечера. Ровно в шесть он покинул свой номер. У горничной мимолетом поинтересовался: «Dime como ir al Restaurante?» Получив необходимый ответ, спустился на второй этаж и оказался в помещении с аккуратно расставленными столиками. Некоторые столики уже были заняты посетителями. Парень растерялся.

— Нужна помощь? — с каким-то немецким акцентом спросила у него остановившаяся рядом женщина в длинном платье.

— Мне сказали, что здесь, что-то наподобие столовой. Но никакого самообслуживания не вижу, — замялся лейтенант.

— Вы впервые у нас? — заинтересовалась новеньким дама.

— Сегодня только приехал, — признался Николай.

— Тогда разрешите поухаживать за вами, — неожиданно предложила она. От такого предложения лицо Сомова при-

обрело пунцовую окраску. За ним еще никогда не ухаживали женщины. Когда он это делает, то понятно. А вот когда за мужчиной ухаживают, это как-то даже унизительно. Он хотел было решительно отвергнуть такое предложение, но женщина опередила его.

— Отказ не принимается. Садитесь за ближайший столик, — предложила незнакомка и заняла свободный стул. Она положила перед собой сумочку и достала из нее длинный мундштук. — Вы не будете против, если я закурю?

— Конечно, нет, — подвинул Николай в ее сторону пепельницу, которая стояла на столе.

— Давайте знакомиться, — предложила собеседница. — Мария Остен, — представилась она.

— Николас, — назвал свой псевдоним Сомов.

— Товарищ Николас, а насчет столовой, кто вам сказал? — хотела дама знать источник этого розыгрыша.

— Товарищ Берзин, — признался лейтенант.

— Генерал Гришин? Какой шутник, — улыбнулась Мария. Услышав упоминание о генерале, Сомов осознал, что совершил ошибку. Здесь было нельзя называть настоящих имен, а только псевдонимы.

— Простите, кажется, сболтнул лишнее, — заволновался военный.

— Ничего страшного, еще привыкните, — утешила его Остин.

— Что будете заказывать? — подошла к ним официантка.

«Все-таки ресторан», — с досадой подумал Сомов, раскрывая меню. Помня, что Петров не наделил его большой суммой денег, он соответственно и сделал минимальный заказ, делая упор не на деликатесы, а на простые, но, тем не менее, сытные блюда. Его спутница заказала легкие салаты и вино.

— Товарищ Остен, а не могли бы вы меня ввести в курс дела. Как к кому обращаться, например? — попросил помощи лейтенант.

— Отчего же, помогу, — не отказала женщина.

Она закурила сигарету, наблюдая, как с аппетитом ее новый знакомый опустошает принесенные официанткой тарелки с едой. К их столику подошел военный советник Генерального штаба республиканской армии Берзин.

— Я смотрю, вы уже познакомились с нашим новым переводчиком? — склонился к даме генерал. Николай отодвинул от себя тарелку и собирался встать. «Гришин» придержал его за плечо.

— Наш переводчик? Любопытно. Парень не говорил, что он знает испанский язык, — выразила удивление собеседница Сомова.

— Он рвется на фронт и поэтому не афиширует свои способности. Но такие люди нам нужны и здесь, к тому же фронт не сегодня так завтра будет проходить по самому Мадриду, — устало высказался советник.

— Молодой человек попросил меня познакомить его с на-

шим коллективом. Уж, коль ему доведется здесь работать, то такие знания не помешают, — продолжила беседу Мария.

— Возьмите шефство над молодым человеком. Он только прибыл и многого еще не знает, — согласился Берзин.

— Тогда я с вашего разрешения использую его в качестве провожатого до радиостанции «Мадридское радио». Там у меня сегодня вечером запланирована встреча с Долорес Ибаррури, — попросила Остен разрешения на использование нового сотрудника.

— Не проще взять такси? Эти пешие прогулки могут плохо закончиться, — недовольно заметил Ян Карлович.

— Но у меня будет такой бесстрашный провожатый, — настаивала женщина. Когда он стал бесстрашным Николай так и не понял.

— Сходи, конечно, но не засиживайся там. Ночью в Мадриде небезопасно, — согласился Берзин.

— И вот еще что, товарищ генерал, — не унималась дама. — Ваша шутка насчет столовой очень понравилась молодому человеку.

Ян Карлович довольно улыбнулся и проследовал в зал.

— Я в Союзе слышал о Долорес Ибаррури, — вспомнил лейтенант знакомую фамилию.

— Известная личность. Сегодня я вас познакомлю, — обещала Мария.

— Вы будете выступать на радиостанции? — интересовался военный.

— К сожалению нет. Просто мне надо пообщаться с Долорес. Это она будет выступать, — внесла ясность женщина. — Ты закончил с ужином? Теперь самое время обратить внимание на людей в зале. Генерала Гришина ты уже знаешь. К послу Советского Союза Розенбергу вас надеюсь, водили?

— Да, — кивнул головой собеседник.

— Тогда перейдем к следующему персонажу. Высокий, широкоплечий с трубкой в зубах, это военный атташе при полномочном посольстве СССР в республиканской Испании, комбриг, Горев Владимир Ефимович, псевдоним «Санчо». Круглолицый в очках, корреспондент газеты «Правда» Михаил Ефимович Кольцов. Среди «мексиканцев» его называют Мигель Мартинес.

— Почему среди мексиканцев? И причем здесь жители Мексики? — не понял такой шутки Николай.

— «Мексиканцами» ласково называют всех советских специалистов и советников, — пояснила Мария.

— И вы тоже «мексиканка»? — простодушно поинтересовался Сомов. Дама выпустила изо рта колечко дыма и задумчиво посмотрела в зал.

— Нет. Я не «мексиканка». Я по происхождению немка, но сочувствующая Испанской Республике, — призналась она. Что-то в этих словах было не досказано. В советское представительство просто так не пускали всех сочувствующих республике. Чего-то Мария не договаривала.

— Ты уже все? — кивнула собеседница на его тарелку.

— Да, — быстро ответил Сомов и завертел головой в надежде увидеть официантку, чтобы рассчитаться за ужин.

— Оставь деньги на столе, — подсказала Остен. Николай вытащил из кармана выданное ему денежное довольствие и стал отсчитывать купюры. Мария снисходительно улыбнулась расчетливости парня и оставила возле недоеденного салата одну крупную банкноту.

— Идем, — позвала она за собой собеседника. Женщина погасила сигарету, оставив окуроч в пепельнице.

— У тебя оружие есть? — задала вопрос Мария, пряча мундштук в женскую сумочку.

— Нет, — развел руками лейтенант.

— Возьми, — вытащила она из той же сумочки браунинг. — Без этой игрушки сейчас ни как нельзя.

Николай сунул оружие в карман пиджака. Они вышли из отеля и двинулись по тротуару вдоль улицы. Начинало смеркаться. В окнах домов лишь кое-где были видны отблески света и то из-за плохой светомаскировки. Мадрид бомбила франкистская авиация, поэтому светомаскировка была важным элементом в противостоянии двух сторон.

— Ты испанский язык, где изучал? — поинтересовалась спутница Сомова.

— Мать научила, — кратко ответил парень.

— Она испанка?

— Нет. Просто образованная женщина, — не хотел Николай рассказывать о своих дворянских корнях. Однако Остен

не так легко можно было провести.

— Она из бывших? — продолжала расспросы женщина. «Ох уж это слово бывшие! Почему бывшие? У них, что теперь и будущего нет?»

— Мои родители были дворянами. Отец полковник царской армии, а мать простая домохозяйка, — признался Сомов. — Для органов это не секрет, — сразу же уточнил детали Николай. — Отец воевал на стороне красных, а сейчас преподает военное дело в Генеральном штабе. Мать тоже работает там. Она помогает курсантам изучать иностранные языки.

— Удивительно, как тебя отпустили в Испанию? — задумчиво произнесла спутница.

— Что тут удивительного? Я не собираюсь предавать Родину и переходить на сторону врага, — Сомов даже немного обиделся на такую постановку вопроса. — Я советский человек и верю в идеи коммунизма, — дал ответ Николай, но он был похож больше на лозунг, чем на искренний ответ.

— Ты коммунист? — хотела уточнить его партийную принадлежность Остен.

— Нет, — вздохнул парень. — Но это ничего не значит.

— Возможно, Только не для всех. От таких людей как Орлов, я бы советовала тебе держаться подальше, — дала наставление женщина.

— А кто такой Орлов?

— Еще узнаешь, — уклонилась она от ответа. Чтобы сгла-

дить возникшее напряжение Мария перешла на нейтральные темы. Так общаясь, они почти дошли до здания радиостанции «Мадридское радио».

— Мы считай у цели. Отсюда вижу Долорес, которая курит на пороге, — произнесла Мария и попыталась помахать рукой группе лиц стоящих возле здания радиостанции. По улице сверкнув фарами, явно пренебрегая требованиями светомаскировки, промчал автомобиль. Завизжали тормоза и из «Ситроена» выскочило несколько человек, которые открыли пальбу из пистолетов по стоящим на пороге здания людям. Сомов инстинктивно затолкал свою спутницу в первую попавшуюся дверь многоквартирного дома и, выхватив браунинг, разрядил обойму в неизвестных. Нападавшие не ожидали атаки с фланга, поэтому вскочили в «ситроен», который на бешеной скорости сорвался с места. Сомов побежал в сторону людей лежащих возле входа на радиостанцию. В это же время из здания выбежали вооруженные мужчины, которым ничего не оставалось, как проводить взглядом удаляющийся автомобиль.

— Вы целы? Не ранены? — склонился Сомов над ближайшей женщиной, надеясь, что это будет именно Ибаррури. Единственное что он успел увидеть, так это огромные перепуганные глаза и темный, как смоль длинный волос. В следующий миг его сбили с ног и заломили за спину руки.

— Вот он убийца! — пропищал кто-то у него над ухом.

— Поднимите! — последовала команда, причем женским

голосом. Парни, вооруженные винтовками оторвали Сомова от тротуара и поставили на ноги. Перед ним стояла молодая темноволосая испанка в берете со звездой, вместо кокарды.

— Долорес, жива? — обратилась девица к деятелю международного коммунистического движения.

— Кажется, да, — не совсем уверенно ответила Ибаррури.

— Твой? — держала испанка в руках браунинг Сомова. На этом вопрос можно было и не отвечать.

— Сволочь! — произнесла девица сквозь зубы и со всего маху ударила Николая по лицу. — Уведите.

Колька рассчитывал, что сейчас подойдет его спутница и объяснит в чем дело, но когда этого не случилось и его бросили на заднее сидение автомобиля и повезли под конвоем в неизвестном направлении, он по — настоящему испугался. Николай никогда не был в застенках карательных органов и теперь в далекой Испании прочувствовал на собственной шкуре, каково тем несчастным, что туда попали. Его притащили в подвальное помещение с низкими овальными сводами из красного кирпича. Помещение маленькое, из мебели стол и два стула, да настольная лампа, которая светила прямо в глаза. Его посадили на табурет. Руки за спиной, скованные наручниками. Следователь небрежно положил перед собой лист бумаги. Его лицо и все движения выражали явную усталость. Возможно, за сегодня Сомов был у него не первый допрашиваемый. Вопросы мужчина задавал самые простые. Кто он такой? Почему оказался у радиостанции? Кто прика-

зал стрелять в коммунистку Долорес? Что на них ответить? Ему приказали соблюдать конспирацию, а значит называть свое настоящие имя и цель прибытия нельзя. Если он был вместе с немецкой антифашисткой Марией Остен, то она наверняка должна была сообщить советским товарищам, что Колька Сомов попал в беду. Ведь не бросят же его одного в этом подвале? Просто надо потянуть время, до прихода помощи. Пришлось врать, что он простой рыбак из Картахены и приехал в Мадрид к своей тетке. На улице возле радиостанции «Мадридское радио» оказался случайно. Откуда пистолет? Да у кого сейчас нет оружия? Свидетелем перестрелки стал случайно и по Ибаррури с товарищами вовсе не стрелял, а даже наоборот. Имя тетки? Мария Остен. Наверняка это псевдоним и он никого не выдаст, назвав его. С адресом тети оказалось сложнее. Да и дело было даже не в адресе, просто следователь с первого слова не верил в его детский лепет. Дальше разговор не заладился. Несколько хлестких ударов свалили Николая на пол. Теперь вопросы чередовались вместе с ударами. Кто он такой и кто его послал? Где находятся остальные сообщники? Колька продолжал врать, отчаянно надеясь на свое скорое спасение. Если за ним не придут, то придется сказать правду. Вот только вопрос, поверят ли в нее? Наверное, от того, что следователю действительно необходим был отдых, его допрос перенесли на утро. Ждать продолжения мероприятия пришлось в компании таких же арестованных, как и он сам. Наступило ли это утро или нет, в

камере понять было невозможно из-за отсутствия окон. Когда за ним пришли, то можно было условно догадаться, что это утро действительно наступило. В кабинете ничего не поменялось. Тот же стол и та же лампа светящая в лицо. Разве, что увеличилось количество людей. Теперь здесь была и та девица, которая его задержала. Отдохнувший следовательно начал все заново.

— Имя?

— Николас, — назвал Сомов свой псевдоним.

— Где проживаешь? — вел протокол испанец.

— В Картахене. Вчера только приехал. Я рыбак. Здесь у меня живет тетка.

— Рыбак говоришь? — подошла к нему сзади молодая испанка в берете на голове, и провела пальцами по его ладоням. — Какой же ты рыбак, если на руках нет мозолей? Кто ты на самом деле?

— Врет он все. По лицу видно, что фалангист из пятой колонны, — высказал свое мнение следовательно. — Таких у меня полная камера. Ждете, когда Франко возьмет Мадрид? Ты-то точно не дождешься, — обещал мужчина арестованному. — Или начнешь говорить или сразу к стенке. Зачем на тебя время тратить? Кто эти люди из машины? Кто приказал убить Ибаррури?

— Не знаю я ни каких людей. Они начали стрелять, и я стрелял, но только не в Ибаррури, а в них, — начал давать показания Сомов понимая, что его молчание может плохо

кончиться.

— А почему ты стрелял в незнакомцев? — присела перед ним девушка на край стола.

— Потому, что Ибаррури мне не враг.

— А откуда ты ее знаешь? — хотела знать испанка.

— Тетка рассказала. Она шла, чтобы встретиться с ней, а меня взяла в качестве сопровождающего.

— И пистолет дала? — усмехнулась незнакомка.

— Дала, — кивнул головой Сомов.

— И как имя твоей тети?

— Мария Остен, — не врал Николай насчет имени, но слегка преувеличил в отношении их родственных уз.

— Поверьте, если бы я хотел убить Долорес, то не стал бы поднимать ее, а просто добил.

— Так кто же ты на самом деле Николас? — искала ответы на свои вопросы девица.

— Я «мексиканец», — решил он дать подсказку следователю.

— «Мексиканец»? — залилась смехом девушка. В тот же момент в дверь камеры постучали и в нее вошли двое. Один в военной форме, а второй мужчина в костюме, длинном кожаном плаще и шляпе с большими полями.

— Это за ним. Нам позвонили министр безопасности, и приказал выдать задержанного, — озвучил приказ начальства человек в военной форме.

— На каком основании? — вскочила со стола девица.

Незнакомец в плаще вытащил из внутреннего кармана какую-то бумажку и передал ее девушке. Она быстро пробежала глазами по написанным строчкам.

— Какого черта? Кто это такой? — возмутилась девица.

— Он плохо говорит по-испански, — заметил военный. Мужчина в плаще кивнул на наручники на запястьях Сомова. Следователь снял эти железные игрушки. Николай поднялся.

— Идем, — по-русски сказал незнакомец и подтолкнул лейтенанта к выходу. Испанка внимательно смотрела в спину удаляющимся мужчинам.

— Мексиканец, мексиканец? — повторяла она.

— Да это же русские! — наконец осенило испанку. Тогда все становилось на свои места. Вот почему Долорес не дала показаний на молодого человека. Он действительно не стрелял в коммунистку.

Глава 2

Задать возникшие вопросы Сомов решился только в салоне автомобиля, куда они сели выйдя из серого многоэтажного здания.

— Кто вы? Вы из советского посольства?

— Называй меня Леонардо Мендес. Большого тебе знать не надо, — был краток его спутник. Они проехали некоторое время молча, а затем Николай решился снова задать вопрос.

— Там где я был, это полиция?

— Не совсем. Эту организацию называют провинциальным комитетом по общественным расследованиям. Раньше была просто полиция. Они борются с контрреволюционерами. Люди, стрелявшие в коммунистических лидеров, и есть контрреволюционеры. Ты просто оказался не в том месте и не в то время. Сейчас часто по ночам стреляют. По городу катаются машины «призраки» и убивают сторонников республики. В Мадриде слишком много агентов Франко. Так, что мой тебе совет, по ночам самому не ходить, — прояснил ситуацию Леонардо.

— Вам обо мне сказала Мария Остен? — хотел уточнить некоторые детали лейтенант.

— Остен? Нет. Я получил распоряжение от «Шведа». Кто на него вышел не знаю. Не мое это дело, — был не очень разговорчив спутник Сомова.

— А кто такой «Швед»? — не переставал интересоваться Николай.

— Много задаешь вопросов. Когда понадобится, тогда и узнаешь.

— А Остен? — не отставал Сомов.

— Немецкая антифашистка, подруга Кольцова, — приоткрыл завесу тайны Мендес. Теперь Коля представлял, с кем имел дело.

— Куда мы сейчас едем?

— В советскую дипломатическую миссию, — назвал Леонардо конечную точку следования.

В своем номере Колька стал у зеркала, чтобы получше рассмотреть свою припухшую физиономию. Снял рубаху и потрогал ушибленные ребра. До свадьбы заживет. Могло быть и хуже. Как только подумал о свадьбе, так сразу же в мозгу возник образ Маши. Давно он ей письма не писал. Хоть ей можно пожаловаться на судьбу. В дверь постучали.

— Открыто! — крикнул Николай. В помещение вошла Мария. Лицо ее сияло от радости.

— Рада тебя видеть.

— Я тоже, — не особо восторгался Сомов.

— Ты извини, что так получилось. Ты считай, спас меня. А если бы я была одна? — предположила она возможную версию происшествия. Пожалуй, последствия тогда могли быть совсем другие. — Тебя били? — кивнула она на синеву на боку парня. — Они что с ума сошли? Разве не виде-

ли кто перед ними?

— Я не говорил, кто я такой. Сами сказали, что надо соблюдать конспирации, — заметил лейтенант.

— Глупый. В таких случаях молчать не надо. А если бы они тебя расстреляли? — переживала Мария.

— Так я ни в чем не виноват.

— Виноват, не виноват, время такое. Сейчас все скорые на расправу, — не особо верила в справедливость немка.

— Я ждал, что вы вступитесь за меня и все им объясните, — укорил знакомую Сомов.

— Тебя слишком быстро забрали. Я не успела прийти в себя от шока. Когда кинулась, то было поздно. Пришлось вопрос решать через Гришина и Мартинеса. Те в свою очередь вышли на «Шведа», — рассказала женщина цепочку принятия решений.

— Кто такой «Швед»? — теперь уже у Остен хотел узнать лейтенант.

— Наш атташе посольства в сфере безопасности Орлов. Я тебе о нем уже говорила. Он майор НКВД. Очень неприятный тип, — скривила личико Мария. — Но зато быстро все решил. Он имеет влияние на органы безопасности республики. Вижу, что они подпортили не только твою физиономию, но и рубаху.

Колька действительно испачкал ее в кровь.

— Ничего страшного. У меня еще одна есть, — отмахнулся парень.

— Я куплю тебе новую. И никаких отговорок. Должна же я чем-то загладить свою вину? — настояла женщина. — Приводи себя в порядок и на доклад к Яну Карловичу. Он тебя ждет, — озвучила Мария приказ советника.

Женщина оставила парня наедине. В первую очередь Сомов принял ванную и сменил одежду, а уже после этого последовал в кабинет Берзина.

— Можно поздравить тебя с боевым крещением? — приветствовал его военный советник. — Не зря я не хотел вас никуда отпускать. Давай рассказывай, что случилось? — захотел Ян Карлович услышать детали происшествия от самого потерпевшего. Пришлось ему рассказать все, как было.

— Н-да, — задумчиво произнес хозяин кабинета. — Хорошо, что легко отделался. Могло быть и хуже.

Это уже знал и сам Николай.

— Куда теперь мне? — интересовался Сомов своим дальнейшим назначением. Советник открыл ящик стола и достал какой-то документ.

— Для начала мы тебя легализуем. Получи удостоверение сотрудника нашей дипломатической миссии. Оно поможет тебе избежать досадных недоразумений. Сегодня вечером у меня будет совещание, придут необходимые мне специалисты. После совещания временно поступишь в распоряжение к Гореву Владимиру Ефимовичу. Он является военным атташе при посольстве СССР в Испании. Псевдоним «Санчо». Будешь работать под его началом. «Санчо» и сам актив-

но осваивает испанский язык, но подстраховаться не помещает. Прибудут другие специалисты по языкам, и я переброшу тебя на новое место. О фронте можешь и не заикаться. Наш фронт здесь, — сразу же напомнил Берзин в качестве кого Николай прибыл в Испанию. — Пока можешь быть свободным. Столовая работает с 18.00, — улыбнулся мужчина, отпуская из кабинета Сомова.

На прием пищи Коля прибыл точно в назначенное время, как и полагалось военному. Сегодня кроме посетителей мужчин отдельный столик занимали две девушки. Они, заметив Сомова, приветливо помахали ему руками, словно были знакомы с ним. Лейтенант ради удовлетворения любопытства приблизился к их столику.

— Lo siento chicas, nos conocemos? — произнес лейтенант.

— Я же тебе говорила, что это он, — обрадованно сказала одна из девушек своей подруге.

— Вы новый переводчик? Наконец-то нам прислали мужчину.

По этой фразе и поведению девушек, можно было догадаться, что они тоже являются переводчиками.

— Разрешите? — проявил Сомов инициативу и уселся за их столик.

— Судя по всему, вы являетесь помощниками наших специалистов, в плане общения с испанцами? — фигурально выразился Николай. Они кивнули головами.

— Тогда давайте знакомиться, — предложил лейтенант.

— Николай Сомов, «Николас».

— Таня, — протянула руку девица, что сидела справа от парня.

— Галя, — представилась вторая.

— И давно вы тут? — задал вопрос лейтенант.

— Чуть раньше, чем вы, — не назвали они точной даты прибытия. — Как хорошо, что вас прислали. Мы тут нарасхват. Кругом надо переводчики, а мы не успеваем, — пожаловались девушки.

— Тогда почему вы сегодня собрались в отеле? — не понял Сомов.

— Люди, за которыми мы закреплены, приехали к генералу Гришину на совещание. Когда оно закончится, мы снова разъедемся, — пояснили они причину такой концентрации специалистов по языку.

— Меня тоже прикрепили к одному из них. О камарада «Санчо», что-то слышали?

— Конечно. Тебе не позавидуешь. Придется много передвигаться. Он долго на одном месте не засиживается, — посочувствовали лейтенанту подружки. — Николай, вы сами, откуда родом? — спросила Татьяна. Хотя всем специалистам из Союза было предписано соблюдать тайну, но разве мог он отказать в такой простой информации коллегам по цеху? Да и как они могли бы ее использовать против него?

— Из Москвы.

Такой ответ поверг девчонок в неопишуемый восторг. Они

никогда не были в столице, но всегда мечтали ее посетить. Посыпались различные вопросы, касающиеся самого города. Лейтенанта слушали с неподдельным интересом и такое внимание очень ему импонировало. Оказалось, что Татьяна сама была из Киева, а Галина из Одессы. Сомов лестно отозвался о южной столице, вспомнив исторические места города, которые ему удалось посетить, чем еще больше расположил к себе девушек. Они заказали себе ужин и совмещали прием пищи с приятными разговорами. Их идиллию прервала Мария Остен.

— Девушки, прошу прощения. Хотелось бы украсть вашего кавалера. С тобой хочет познакомиться Мигель Мартинес, — озвучила немка причину своего внезапного появления.

— Конечно, идите Николас. Рады были с вами познакомиться, — не стали его задерживать подружки. Пришлось Сомову перебраться за стол, где сидел приземистый мужчина в очках.

— Мигель Мартинес, — представился Кольцов.

Николай назвал и свой псевдоним.

— Я очень вам благодарен за мужественный поступок. Мария стала много рисковать собой. Бездумные поступки не нужны никому, — высказал мужчина свое неудовольствие в адрес спутницы.

— Я не знала, что так получится, — оправдывалась Остен.

— Как это не знала? Каждую ночь в городе рыскают авто-

мобили призраки. Сторонники Франко сеют среди мадридцев страх и панику. Без сопровождения лучше ночью никуда не выходить.

— Я без сопровождения и не ходила. Николас любезно обещал меня сопроводить до «Мадридского радио», — виновато отвечала женщина. Было видно, что Кольцов не просто так высказывает свой негатив в сторону немецкой антифашистки, а выражает свою заботу об этой женщине. По-видимому, она была ему дорога.

— Хорошо, что в трудную минуту вы оказались рядом и не дали ей стать жертвой нападения.

— Мигель, ты преувеличиваешь. Охотились вовсе не на меня, — уточнила Остен.

— Ты думаешь, они бы разбирались, где ты, а где Ибаррури? Им все равно. Чем больше они убьют сторонников республики, тем лучше, — ни как не мог успокоиться Михаил Ефимович. — Еще раз спасибо за помощь. Если что-то понадобится, то обращайтесь. Чем смогу, тем помогу, — обещал корреспондент газеты «Правда».

Николаю стало неудобно, что женщине в его присутствии выражают свое неудовольствие, и поэтому он поспешил откланяться. Девчонки пока никуда не ушли, и Николай вернулся на свое место.

— А этот Мартинес, такая важная персона или мне показалось? — поинтересовался парень у переводчиц.

— Он корреспондент газеты «Правда». Говорят его, сюда

направил сам Сталин. Они с кинооператором Романом Карменом, фильм снимают про войну в Испании. Пишет очерки для газеты. Сам понимаешь, что значит «Правда» для советских людей. К его мнению здесь прислушиваются, — дали девушки краткую характеристику Кольцову.

Судя по тому, что в ресторане прибавилось людей, то можно было сделать вывод, что совещание у Берзина закончилось. Татьяна с Галиной вскоре ушли со своими специалистами, к которым они были прикреплены. К столику Сомова подошел мужчина с короткой стрижкой, крепкого телосложения. Его для Коли представляла Остин при первом их знакомстве, как военного атташе Советского Союза в Испании комбрига Горина.

— Николас? — строго спросил мужчина.

— Так точно! — отчеканил лейтенант.

— Можно не по уставу. В личном общении можешь называть меня Владимиром Ефимовичем, при испанцах товарищем Санчо. Ты меня понял Коля? — улыбнулся комбриг.

— Понял Владимир Ефимович, — ответил Сомов.

— Тогда продолжим наш разговор, но уже в машине, — проследовал он к выходу. Сомов направился следом. Они сидели на заднем сидении «Hispano-Suiza». В салоне их было всего трое, два пассажира и водитель.

— В танковую роту Армана, — распорядился Горев. Автомобиль двинулся по улицам испанской столицы, освещая себе дорогу сквозь узкие щели светомаскировки.

— Ты ведь москвич? — начал разговор военный атташе.

— Да. Я родился и вырос в Москве.

— Сомов Николай Ильич, твой отец? — поинтересовался Санчо.

— Вы знаете моего отца? — удивился лейтенант.

— Он преподавал мне военное дело в академии, — ухмыльнулся Владимир Ефимович.

— Грамотный, порядочный человек, — приятно отозвался комбриг о его отце. — И с матушку твою знаю. Она ведь преподает иностранный язык в восточном факультете академии?

— Совершенно верно, — удивлялся лейтенант. — Она преподает французский, — уточнил Николай. — Если вы изучали иностранные языки, то зачем вам переводчик? — не понимал Сомов своего назначения.

— Я их и сейчас изучаю. Тот же испанский. Но в академии я специализировался на восточных языках и близко с вашей матерью не знаком. Французский мне тогда не очень был нужен. Я работал на другом направлении. Однако много слышан о ней. Интеллигентная женщина. Это она тебя обучила испанскому? — интересовался атташе.

— Она. Я вначале очень не хотел его учить. У нас с ней доходило дело до скандалов. Затем как-то само собой втянулся, и мне даже понравилось учить иностранные языки. Сейчас осваиваю французский — признался парень.

— Это правильно. Знания никому не мешали. Ты ведь в

семье единственный сын?

— Угу, — промычал Сомов.

— Как это родители согласились отпустить тебя в Испанию? — удивлялся Горев.

— Я уже не маленький, — обиделся Коля на комбрига, за то, что тот посчитал его не самостоятельным человеком. — Мать плакала, а отец сказал, чтобы я поступал по велению сердца. А еще сказал, что Испания это только начало и грядет еще одна война. С кем война, Владимир Ефимович? С Германией? Англией? Может отец ошибался? — засыпал Коля своего спутника вопросами.

— Твой отец очень мудрый человек и он не ошибался. Не хочу забежать наперед, но то, что она будет, это однозначно, — ушел от прямого ответа комбриг. Николай даже догадывался почему. В машине они были не одни, а служба НКВД даже в Испании работала как часы.

— Впереди патруль, — доложил водитель.

— Этого нам еще не хватало, — достал Владимир Ефимович из кармана пистолет и сунул его себе за пояс. Николай сидел не шелохнувшись.

— У тебя, что нет оружия? — удивился атташе. Колька пожал плечами. У него уже был недавно подаренный Остен браунинг и это плохо кончилось.

— Пора обзавестись. Мы можем в любую передрагу попасть, и умение стрелять очень пригодится. Валера, остановись или они откроют стрельбу. Умирать из-за глупости я не

собираюсь, — распорядился Горев.

«Hispano-Suiza» остановился возле вооруженных людей. У тротуара был припаркован автомобиль военных. В связи с провокациями в столице пятой колонны франкистов это вполне могла быть и засада.

— Валера, приготовься, — предупредил Санчо своего шофера. Их авто окружили со всех сторон. К машине подошел человек, который осветил салон авто своим ручным фонариком. Сомов опустил стекло.

— Lo gue usted gueia oficial? — поинтересовался лейтенант.

— Что я хотела? — послышался женский голос. Николай прищурился, чтобы получше рассмотреть с кем имеет дело. Все тот же берет со звездой и карие пронзительные глаза. Ему однозначно везет на встречи с этой таинственной незнакомкой.

— Ваши документы, — потребовала испанка. Переводчик вытащил свои бумаги и собрал документы у спутников.

— Пожалуйста, — протянул он паспорта. Республиканка внимательно их изучала, периодически подсвечивая лица людей сидящих в машине. Представительница провинциального комитета по общественным расследованиям была смышленной девушкой и поняла, с кем имеет дело. Эти люди явно не подходили под статус врагов Республики. Она отдала по очереди все документы, а документ самого молодого пассажира намеренно придержала. Она тоже узнала бывшего

арестованного, которого освободили только сегодня утром.

— Мексиканец? — озорно поинтересовалась она у человека, который так неожиданно из картахенского рыбака превратился в служащего советского посольства.

— Мексиканец, — ничего не оставалось Сомову, как подтвердить ее слова.

— Проезжайте, — разрешила испанка.

— Фу! — облегченно выдохнул комбриг. — В следующий раз буду возить с собой испанского товарища из Генерального штаба, чтобы избежать подобных ситуаций, — бурчал Владимир Ефимович.

— Она даже не спросила, куда мы едем, — сказал Колька.

— Почему? — задал вопрос военный атташе.

— Ваши документы говорят сами за себя. Кто станет останавливать представителей советской дипломатической миссии? Зачем ей неприятности? — пояснил лейтенант.

— Вот и хорошо. Мне показалось, что вы знакомы? Хотя такого не может быть. Берзин говорил, что ты вчера только прибыл и сразу же попал в какой-то переплет?

— Меня по ошибке арестовали люди СРПР. Сегодня только отпустили. Эта девушка и проводила арест. Она сразу же узнала меня, — прояснил ситуацию Николай.

— Ты становишься популярным, если тебя знает вся республиканская полиция или, по крайней мере, прекрасная ее половина, — пошутил Владимир Ефимович.

Танковый батальон располагался на южном участке обо-

роны Мадрида. Именно в этом батальоне должен был проходить службу его дружок Сандро. Спрашивать о новобранце по фамилии Палевич, Сомов постеснялся, а ночью толком никого и не увидишь. Громов с командиром легендарного батальона Полем Арманом о чем-то беседовали в штабе за чашкой чая, а сам Николай, пользуясь временным затишьем на фронте, дремал на стуле в уголку. Танковым батальоном или тем, что после него осталось в результате атаки под Сесеньей, командовал командир РККА. Москва побоялась доверить командование кому-то другому, соответственно и в переводчике, Горев не нуждался. Затем был визит в рабочий пригород Карабанчель, где оборону держали отряды дружинников и милисианос. Вот там переводчик пригодился. Обратно в отель вернулись за полночь. Сомов сразу же завалился спать. Раннее ноябрьское утро принесло плохие новости. Противник начал новую волну наступления и занял населенные пункты Вальдеморо и Торрехона. В городе началась паника. Многие уже не надеялись на возможность республиканцев отстоять Мадрид и поэтому бежали в Валенсию. Теперь машина Горева пополнилась двумя офицерами Центрального фронта, которые должны были остановить отступление защитников Вальдеморо в сторону Мадрида. Беглецов они обнаружили, не доезжая до самого городка. Сгорбленные от усталости, с понурыми лицами милисианос брели по обочине дороги прочь от линии фронта. У многих добровольцев не было никакого оружия. Дальше ехать бы-

ло бессмысленно. Вот теперь Сомов лично убедился, в чем различие регулярной армии от добровольцев, которые пришли на войну по зову сердца, но при этом не имели военной подготовки, вооружения и не знали, что такое дисциплина. Он какое-то время переводил слова Горева, который словно на митинге пытался воззвать к совести милисианос, но затем охрип от своих громких выступлений и теперь Колька, как человек, который учился на командира взвода, совместно с офицерами Центрального фронта, продолжал агитацию деморализованных защитников Вальдеморо. Такой импровизированный митинг возымел свое действие. Среди отступающих хватало идейных бойцов, которые могли стать костяком для сплочения растерянных добровольцев для контратаки. Во время этих шумных выступлений Сомов потерял из вида Владимира Ефимовича. Он, как-то закашлявшись, отошел в сторону, а теперь и вовсе пропал. Николай метался от одной группы милисианос, ко второй, в поисках военного атташе. Его нигде не было. От пламенных речей и призывов все перешло в плоскость принятия решений. Людская масса качнулась и начала движение в сторону Вальдеморо, перестраиваясь на ходу в штурмовые колонны. Сомова подтолкнули в спину, увлекая парня за собой. Николай громче всех призывал парней на штурм города, а теперь выходило, что он пытался остаться в стороне, пропуская вперед добровольцев. Это было не правильно. Чем он мог ответить на эти вопросительные взгляды парней? Как им сказать, что он не

солдат, а всего лишь переводчик. А много ли было профессиональных воинов среди этой массы людей? Пекари, водители, грузчики, но не солдаты. Санчо и след простыл. Если бы он его обнаружил, то у него появилось бы моральное право остаться. Но Владимира Ефимовича среди испанцев не наблюдалось. Его толкнули в плечо, и теперь уже Коля двигался с этими уставшими людьми в одну сторону, в сторону занятого противником городка. Когда в поле разорвался снаряд, ноги сами перешли на бег. В руках никакого оружия. Чем он собирался драться непонятно. Просто бежал вперед, как и все остальные. Идти в атаку всегда страшно, а вот так, с голыми руками особенно. Винтовка, пусть даже и без патронов все равно придавала большей уверенности в собственных силах. Оставалось только надеяться, что впереди бегущий товарищ упадет и тебе достанется его оружие. Прилетел еще один снаряд, за ним еще. Вот уже показались и первые домишки населенного пункта. Еще чуть-чуть и они ворвутся в предместье. И тут застрочил пулемет. По звуку, был похож на ручной. Если волна атакующих заляжет, то их в атаку потом не сможет поднять никакой агитатор. Еще несколько шагов и его нога наступила на древко флага, которое лежало под убитым знаменосцем. Николай в своей жизни совершал немало глупых поступков, но то, что совершил он сейчас, было наиглупейшим. Сомов вырвал стяг из-под убитого и, заорав во всю глотку что-то нечленораздельное, ринулся к городским постройкам. Идти в атаку без оружия глу-

пость, а вместо винтовки поднять знамя под огнем пулемета врага, еще большая глупость. Человек с флагом автоматически становится приоритетом для стрелков противника. Только небесное провидение могло отвести от смельчака все пули. Человек со знаменем республиканской Испании в первых рядах атакующих, это словно икона для верующих, которые готовы идти за ней в огонь и в воду. Если впереди идет воин со стягом и не пригибается от пуль, то ни у кого нет морального права залечь, чтобы укрыться от огня. Милисианос словно волна прибоя нахлынули на городские постройки. Колька спрятался за стену дома, чтобы перевести дух. Было ли ему сейчас страшно? Наверное, да, потому что ноги дрожали не — то от напряжения, не — то от страха. Но прилив адреналина заставлял двигаться дальше, мешая задумываться над последствиями. Флаг он оставил у стены. В городских постройках с ним не навоюешь. Нырнул с парнями в ближайший дворик. У убитого франкиста забрал винтовку и подсумок с патронами. Добровольцы, прикрывая друг друга, вскочили в распахнутую дверь двухэтажного дома. Колька последовал за ними. Пах! Пах! — заработали винтовки. Здесь засели фалангисты. Лестница на второй этаж.

— Прикройте! — кричит милисианос и бежит по ступеням. «Давай за ним», — приказывает сам себе Сомов. Каменная лестница и силуэт человека в военной форме на втором этаже. Выстрел. Затвор на себя и вперед. Размышлять попал или не попал некогда. Доброволец схлестнулся с еще

одним противником в рукопашном бою. Надо помочь товарищу. Снова выстрел, почти в упор. Противник похож на мулата и в отличие от добровольцев одет в военную форму. Марокканец, — догадался Сомов.

— Спасибо, друг! — услышал Николас слова благодарности. В комнатах больше никого. Зато из соседнего дома, что напротив открыли по ним пальбу. Пришлось прижаться к стенам и выпустить через окно всю обойму. С патронами сложно. Они быстро заканчиваются, а взять их негде. Его спутник перевооружился на винтовку Маузера убитого марокканца, оставив свой Винчестер.

— Диего Альварес, — протянул мужчина руку.

— Николас, — представился Сомов.

— Давай за мной, — предложил его новый знакомый и через окно выбрался на крышу какой-то пристройки во внутреннем дворе дома. Моментально по черепице ударили пули. Николай, прикрывая маневр товарища, выстрелил в сторону расположения вероятного стрелка и последовал за новым знакомым. По крыше добрались до следующего здания и влезли в окно. В квартире было слышно, как работал ручной пулемет. Парни переглянулись и осторожно ступая, переместились через коридор в соседнюю комнату. Тут несколько парней из Африканской армии, увлеченно вели огонь по продвигающимся по улице милисианос. Парочка выстрелила почти одновременно. Пулеметчики обмякли, а третий боец бросился на них с ножом. Альварес встретил его

атаку ударом приклада в челюсть. Колька без всякого сожаления пальнул мулату в спину. Лейтенант помнил рассказы бывалых красноармейцев о том, что они чувствовали, убив впервые человека. Кого-то мутило, кто-то пребывал в эмоциональном шоке. У Кольки не было ничего. Наверное, из-за динамики боя, он просто не успел поддаться своим чувствам. Испанец моментально переключил свое внимание на трофейный «гочкис». Если Диего поддержит республиканцев из этой огневой точки, то следовало подумать о том, как прикрыть ему тыл. А то ведь могло случиться так, что и им в спину выстрелят «регуларес». Отработанным движением Сомов обшарил под сумки и карманы покойников в поисках боеприпасов к своей винтовке. Кроме патронов раздобыл и гранату. Отыскав место, где можно было спуститься на первый этаж, попытался сойти по пролету лестницы. Парни из фаланги слышали подозрительный шум наверху и сами направлялись к лестнице. Тут они и повстречались с переводчиком. Пах! Пах! — выплюнули порцию свинца их карабины. Николай отпрянул назад и бросил свою гранату под ноги противнику, при этом поспешив убежать на второй этаж. Грохнул взрыв, и послышались крики. Не иначе кого-то ранило. Сквозь поднявшееся облако дыма лейтенант заметил марокканца собирающегося подняться наверх. Пришлось пускать в дело винтовку. Он стрелял в них, они стреляли в Сомова. За спиной Николаса заработал гочкис. На улице раздались довольные возгласы.

— Николас, надо спускаться, — появился Альварес с пулеметом в руках.

— Внизу «регуларес», — пояснил Сомов. Так в Испании называли солдат Африканской армии. Его новый товарищ спустился на промежуточную площадку и полоснул из пулемета по комнате. Так, навскидку, не целясь. В ответ выстрелов не последовало.

— Убежали, — с некоторой досадой в голосе сказал милисианос.

Они проверили все комнаты. Никого. Затем товарищи вышли к республиканцам, которые в составе колонны, продвигались к центру города. Впереди уже вырисовывалась центральная площадь Вальдеморо, когда скрежеща гусеницами, им навстречу выползла итальянская танкетка. Тот, кто не успел сбежать в ближайшие двери, был срезан пулеметной очередью. Сомов за шиворот оттащил от двери споткнувшегося о порог Диего.

— Граната, нужна граната! — нервно бормотал испанец.

— Где ее взять? И куда ты с ней полезешь? Под пули? — потряхнул пулеметчика Колька. Танкетка явно приближалась. Кроме звука мотора можно было расслышать и иностранную речь.

— Французы? — вопросительно поднял голову Альварес.

— Похоже, что французский, — согласился лейтенант.

— Это мавры, — уверенно сказал Диего. Марокканцы наряду с испанским языком использовали и французский. От-

чаянный храбрец с гочкисом в руках, высунулся из двери и дал длинную очередь вдоль улицы. Едва убрав палец от гашетки, сделал шаг вглубь подъезда и не напрасно. Дверную луду входной двери разорвало на куски от очереди из бронированной техники.

— Уходим, — потянул Сомов товарища за рукав.

— Постой! Ты ничего не слышишь?

— Что слышать? Сейчас солдаты ворвутся сюда и нам конец, — нервничал лейтенант.

— Танк. Я слышу танк, — забормотал Альварес. И тут послышался выстрел танковой пушки. Что-то гулко взорвалось. Через дверной проем подъезда они увидели, как по брусчатке прокатился БТ-5, поливая врага из пулемета.

— Наши! — радостно закричал Николай и поспешил покинуть укрытие.

Таких, как он, оказалось не мало. Милисианос двигались следом за танком, расстреливая убегающих марокканцев. БТ-5 уверенно выкатился на площадь. Развернул башню и одним выстрелом уничтожил огневую точку, разместившуюся на балконе ратуши. Поехал дальше, прикрывая наступление республиканцев из своего пулемета. Неожиданно возле БТ рванул взрыв. Гусеница танка слетела, на время, обездвизив машину.

— Кто? — не понял Сомов, откуда прилетел снаряд. Оказалось все очень просто. Справа по улице, ведущей в центр, разместилось итальянское противотанковое орудие. Оно-то

и было по советскому танку. БТ-5 стал разворачивать башню в сторону новой угрозы.

— Ну, миленький, давай! — почти закричал лейтенант.

Выстрел бронированной машины и пушки прозвучали одновременно. Танк вспыхнул как свечка. Люк механика-водителя распахнулся и из недр легкого танка выполз танкист в защитной куртке и черном комбинезоне. На голове танковый шлем с очками. Чуть погодя поднялся вверх и люк на башне танка. Оттуда тоже появился танкист. По нему сразу же открыли огонь «регуларес». Командир схватился за живот и еле сполз к тракам БТшки. Добровольцы вырвались на площадь и завязали бой на перекрестке. Сомов пригибаясь от пуль, приблизился к горящему танку. Механик-водитель, подхватив за плечи своего командира, пытался вытащить его из-под вражеского огня. Одного взгляда Николаю хватило, чтобы узнать в раненном танкисте своего товарища по каюте на пароходе «Красный Перекоп». Он подставил и свое плечо для помощи, заблаговременно закинув винтовку за спину. Механик не зная как выразить свою благодарность только и смог, что сказать: «No pasaran»!

— Сашка, как ты? — встревоженно спросил лейтенант.

— Колька? — скривился от боли Палевич.

— Русский? — обрадовался механик.

— Русский, русский. Потащили его в ближайший дом, — определил направление движения переводчик. Они, что есть силы, забарабанили в ближайшую дверь. Им открыл ее пе-

репуганный до смерти хозяин.

— Мой товарищ ранен и ему нужна помощь, — снова Сомов перешел на испанский. Появилась из-за спины хозяина и пожилая женщина. Парни затащили танкиста в комнату и положили его на кровать. Испанка засуетилась возле раненого бойца.

— Оставайся здесь. Я что-нибудь придумаю с машиной, и мы заберем Сашку в госпиталь, — обещал Николай, покидая соотечественников. Бой переместился к ратуше. Республиканцы пошли на штурм административного здания. Возле городского управления стоял легковой автомобиль с открытыми дверями, в котором сидели два человека в военной форме. Коля вытащил на мостовую водителя. Затем взялся за офицера на заднем сидении. Пистолет марокканца перекочевал к нему в карман. В руках покойника была зажата полевая офицерская сумка. Сомов открыл ее. Какая-то карта, документы, — бегло осмотрел он содержимое. Возможно, что-то из этого представляло определенную ценность. Сейчас разбираться некогда. Он просто бросил ее на пассажирское сидение. Ключ зажигания в замке. Повернул. Мотор «FIATA 508 CM» отозвался мерным рокотом. Транспортное средство готово. Лишь бы теперь не стать мишенью для противника или своих. Бой еще не утих, а Сомов уже подогнал авто к дому, где находился раненный товарищ. Снова пришлось тащить Сашку, но теперь на заднее сидение Фиата. Судя по тому, как перестрелка смещалась от центра города

на его окраину, республиканцам удалось вернуть Вальдемо-ро под свой контроль. Опираясь лишь на свое чутье, а не на карту или знания местных дорог, Николаю удалось выско-чить на автостраду, ведущую в Мадрид. Теперь все решала скорость, с которой он доставит Палевича в лечебное заве-дение. По дороге его останавливали несколько раз, но форма танкистов служила лучшим пропуском. В республиканской Испании советские танкисты были в большом почете. Вот только как найти в городе с миллионным населением госпи-таль, вот вопрос? Отец некогда в общении с Колей, позволял себе использовать народные прибаутки. Одной из них было выражение «язык до Киева доведет». В Мадриде эта посло-вица сработала тоже. Если спрашивать у людей, то и госпи-таль найти будет не проблема. Этот госпиталь оказался в Ка-рабанчеле, рабочем пригороде столицы. Возле здания, на ко-тором был вывешен белый флаг с огромным красным кре-стом посередине, было масса народа. Сюда, то и дело подъез-жали грузовики с получившими ранение республиканцами. Сомов тоже подкатил к центральному входу, и они вместе с механиком подхватив Палевича под плечи, потащили его внутрь.

— Сестра, сестра, здесь раненный! — стал Колька взы-вать о помощи. К ним подбежала молоденькая испанка, что-бы оценить взглядом степень полученных танкистом ране-ний.

— Носилки! — закричала девица и неизвестно откуда

взявшиеся санитары появились вместе с тележкой. Подошла и сестре постарше.

— Что тут у вас? — поинтересовалась она.

— Сквозное пулевое ранение в брюшную полость, — доложила молоденькая испанка.

— Русский? — спросила женщина постарше.

— Si, — был краток Николас.

— Исабель, готовь парня к операции, — распорядилась медсестра.

— Саня, держись! — пожал лейтенант на прощание руку Палевичу, которого повезли по коридору санитары. Сомов вышел с механиком-водителем на улицу.

— Откуда ты Сашку знаешь? — спросил танкист, доставая из промасленного комбинезона пачку папирос.

— Мы на одном корабле пришли в Испанию. Жили в одной каюте — пояснил Николай.

— Понятно, — жадно сделал затяжку собеседник. — Только я не пойму по твоему виду, кто ты? Спецы в атаку ходить не должны. На то они и спецы, чтобы обучать испанцев.

— Так получилось. Вообще-то я переводчик, — признался Сомов.

— Вон оно, в чем дело. Я-то, думаю, откуда ты так испанский знаешь, — удивлялся танкист.

— Мать научила. Давай я тебя подброшу к твоим, а затем вернусь и узнаю, как прошла операция, — предложил Николай. Собеседник одобрительно кивнул головой.

Быстро вернуться не удалось. Города Колька не знал, и поэтому пришлось петлять по улочкам столицы, пока доставил соотечественника в танковый батальон. Обратно ехать было легче. У госпиталя на пороге заметил молоденькую медицинскую сестру, которая принимала у него Сашку.

— Сеньорита, я тут привозил раненного танкиста. Его должны были прооперировать, — заговорил с девушкой Сомов. Она посмотрела на него каким-то уставшим взглядом.

— Умер ваш танкист.

— Как умер? — опешил Николай.

— Такое случается. Врачи не боги, — грустно ответила девушка.

Она поспешила внутрь здания. Колька вернулся к машине и присел на ступеньку Фиата, обхватив голову руками. Нет больше Сашки. Только приехали и такой печальный конец. Впрочем, сегодня он и сам был в шаге от смерти. Даже подумать страшно! Мимо него поцокала каблучками миловидная сестренка. Теперь вместо белого передника на ее плечах был плащ, а в руках она держала дамскую сумочку.

— Сеньорита, простите, пожалуйста, за назойливость, — обратился к ней парень. — Я вижу, что вы сменились с дежурства и спешите домой?

— Совершенно верно. Давно было пора уехать, но такой наплыв пострадавших не давал мне права покинуть пост, — ответила испанка.

— И далеко вам идти? — захотел узнать лейтенант. Ему

приглянулась медсестра, и мужчина хотел сделать что-то приятное этой отзывчивой девушке.

— Не очень. Тут недалеко остановка трамвая. Если они еще ходят, то мне необходимо будет проехать с десятков остановок. Я живу почти в центре Мадрида, — призналась сотрудница госпиталя.

— Давайте я вас подвезу? Мне все равно возвращаться в Мадрид, — предложил свои услуги лейтенант. Она, немного колебавшись, согласилась.

— Вы какой-то важный чин? Машина, костюм, — привела она аргументы в пользу своего предположения. Николай критически осмотрел свой помятый, в пыли, пиджак. На чиновника он уж точно не похож.

— Вы не угадали. В костюмах многие ходят, а машина? Это просто трофей. Подарок от марокканцев.

— Вы военный? — гадала испанка.

— А похож? — веселила Колю эта игра в угадалки.

— Вы похожи на русского парня. Я слышала, как вы говорили по-русски с раненым танкистом. Да и танкисты все из России. Если русский, значит военный. Они ведь помогают нам бороться за независимость, — построила логическую цепочку медсестра.

— Вы знаете русский язык? — удивился Сомов.

— Нет, но у нас были пациенты из Советской России. Я запомнила несколько слов.

— Тогда вы угадали, — пришлось признаться парню. —

Я действительно русский, только не летчик и не танкист, а переводчик, — раскрыл лейтенант тайну о своей профессии.

— Вы хорошо говорите по-испански. Обучались в специальной школе? — похвалила его собеседница.

— Нет. Испанскому меня научила мать. Если вы подумали, что она испанка, то ошибаетесь. Моя мать дворянка и очень образованная женщина, — продолжал беседу Сомов. «Зачем, я ей это говорю?» — удивлялся сам себе Николай. Он должен был сохранять инкогнито, а вместо этого растрепал данные о своей семье. Но миловидное личико испанки вызывало у него чувство умиления. Как он не мог ей рассказать о себе? Тут возникал другой вопрос, не почему, а зачем?

— Странно. Не подумала бы, что среди русских в Испании могут быть дворяне.

— У нас отменили все титулы, и я выходит простой гражданин, а не дворянин, — внес коррективы Сомов.

— Пусть это будет и так, но я считаю это формальностью. Нельзя отменить не национальность, не положение семьи, в которой ты родился, — задумчиво произнесла девушка.

— Пусть будет по-вашему, только это будет нашей тайной, — стал немного волноваться парень, что сболтнул лишнего.

— Вы говорите так, будто бы это не наша последняя встреча, — посмотрела ему в лицо испанка.

— Мне бы этого хотелось, — неожиданно признался лейтенант.

— Вы же ничего обо мне не знаете! Хотите назначить де-

вушке свидание, а не знаете даже ее имени, — повеселела спутница.

— Ну, почему же? Вы коренная мадридка, работаете в госпитале, и зовут вас Исабель, — вспомнил он, как называла девушку пожилая медсестра. — Очень красивое имя, как и вы сами — сделал Сомов комплимент спутнице.

— Странные вы русские. Начали ухаживать и не удосужились поинтересоваться замужем ли я?

— Скорее всего, нет. На руке нет кольца. Впрочем, это удивительно.

— Что тут удивительного? — не поняла Исабель.

— Удивительно, что испанские парни еще не забрали себе в жены такую красавицу, — разошелся не на шутку парень, осыпая пассажирку комплиментами.

— А может, я хочу, чтобы выбирала я, а не меня, — заявила медсестра.

— Тогда у меня есть шанс, — улыбнулся водитель. — До вашего дома еще далеко? Я успею растопить ваше сердце?

— Для начала не мешало бы представиться, — сделали ему замечание.

— Николас, — назвал свой испанский псевдоним Сомов.

— Еще час назад вы скорбили по погибшему товарищу, а сейчас нагло заигрываете с незнакомой девушкой, — сделала ему замечание Исабель. Улыбка исчезла с лица парня.

— Вы правы. Наверное, я спешу жить. Мой друг был тяжело ранен в Вальдемо-ро. Я тоже там был, но не в качестве

переводчика. Довелось идти в первых рядах атакующих. Я этого не хотел, но так получилось. Сегодня судьба была благосклонна ко мне, а Сашке не повезло. Завтра может не повезти мне. Вы простите Исабель, что я смутил вас своим напором. Увидел красивую девушку и просто испугался, что завтра у меня уже не будет такой возможности. Я вовсе не наглый, и не набиваюсь к вам в ухажеры, — погрустнел лейтенант.

— Мы все сейчас спешим жить. Эти постоянные бомбежки. Выходишь из дома и не знаешь, доедешь ли до работы, — вздохнула спутница. — Мне было приятно провести с вами время. Не обижайтесь. Сверните вот здесь и остановитесь. Мы уже приехали, — скомандовала она. Коля вышел, чтобы открыть дверцу машины для своей спутницы.

— Можно, я вас провожу до дверей квартиры? — с какой-то надеждой в голосе попросил Сомов.

— Если не боитесь, — не отвергла его просьбу медсестра.

— Кого мне бояться? С вами мне ничего не страшно, — заявил лейтенант.

— Вы опять начинаете? — приструнила его пыл Исабель. Они вошли в подъезд и поднялись на второй этаж. Испанка достала ключ от массивной двери квартиры.

— Спасибо Николас, что подвезли.

Щелкнул ключ в замочной скважине.

— Дальше я сама.

— А может чашечку чая? — набивался в гости перевод-

чик. Такой странный предлог только потешил испанку.

— Не стоит, — отказала Исабель.

— Понимаю, дома родители, — опустил голову Колька.
— Можно мне будет рассчитывать еще на одну встречу? — строил себе в голове какие-то невероятные планы Сомов, оторвавшись от реальностей дня и забыв, где он находится.

— Если приедете, то буду рада видеть. До свидания Николас, — открыла она дверь.

— До свидания Исабель! — произнес переводчик, спускаясь по ступеням вниз. «До свидания, не прощай, и эта формулировка вселяет какую-то надежду. Неужели он мог влюбиться? Вот так, с первого взгляда? Глупости!» — отверг такую возможность парень.

— У меня нет родителей. Я живу одна, — как гром с ясно-го неба, донеслись до него со второго этажа слова девушки.

Колька остановился, и хотел было повернуть обратно, когда услышал, как закрылась входная дверь. Но ведь сказала? Для чего-то же были произнесены эти слова? Окрыленный надеждой он вернулся к автомобилю. Главное теперь запомнить улицу. Город большой и можно было легко заблудиться. Впрочем, так оно и вышло. В отель Гейлорд, он попал далеко не сразу. В здание парень входил с некоторой опаской. Здесь ли Владимир Ефимович? Почему Колька бросил своего руководителя? Он, конечно, его не бросал, но так это выглядело со стороны. Придется все объяснять. Берзин случайно перехватил его в коридоре.

— Живой? — радостно удивился военный советник. Николай застыл на месте. «А почему он собственно должен был быть мертвым?»

— Санчо, сказал, что ты погиб при Вальдеморо.

— Он здесь? — обрадовался Сомов.

— Я там немного потерялся, — виновато ответил Николай, стараясь не рассказывать всю правду о случившемся.

— Иди к нему в номер, пока он не отправился в Генеральный штаб, — не стал задерживать переводчика Ян Карлович. Сомов нашел где размещался в отеле Горев и робко постучал в двери.

— Открыто, — донеслось в ответ.

— Разрешите? — появился на пороге лейтенант.

— Николас? Где тебя носило сукин сын? Куда ты пропал? Я думал, тебя убило под Вальдеморо, — накинулся на переводчика Владимир Ефимович.

— Я вас потерял в том митинге, — опустил голову Колька. — Вроде стояли рядом, а потом исчезли.

— Конечно, исчез. Я поехал к Армани просить бронетехнику в помощь. Один танк только и выпросил, — недовольно продолжал военный атташе.

— Сожгли его, — тихо ответил лейтенант.

— Откуда знаешь? — потребовал детальной информации комбриг.

— Сам видел, — вздохнул переводчик.

— Ты, что там тоже был?

— А куда мне было деваться? Я так старался, воодушевлял бойцов вместо вас, — начал оправдываться Николай.

— Не слышал что ли, что я охрип? — теперь уже оправдывался и сам Санчо.

— Когда они пошли в атаку, куда мне надо было деваться? Вас нигде нет. За спину им прятаться? Так не к этому я людей призывал. Пришлось идти со всеми.

— Ты, что в штурме участвовал? — возмутился комбриг.

— А где бы я, по-вашему, увидел, что наш танк подбили?

— Не для этого тебя сюда прислали, чтобы в атаки ходить! — кричал на переводчика Владимир Ефимович.

— В этом танке Сашку Палевича тяжело ранило. Мы вместе с ним в одной каюте из Одессы сюда пришли. Я его в госпиталь в Карабанчель отвез. Умер он. После этого сразу сюда, — продолжал оправдываться лейтенант.

— Ничего себе сразу! Ты хоть знаешь, что мы дважды Вальдеморо отбивали, пока ты по госпиталям ездил? — кричал на переводчика военный атташе.

— Отбили? — осмелился спросить Коля.

— Потеряли, — перешел на более спокойный тон Владимир Ефимович. — Отступили милисианос, — горько продолжил комбриг.

— Значит, зря Сашку потеряли, — пожалел о потере друга Сомов.

— Все мы рискуем, — примирительно сказал Санчо. — Что это у тебя в руках? — кивнул мужчина на офицерский

планшет.

— В городке у убитого офицера подобрал, — протянул Николай добытый трофей военному атташе.

— Разберемся, — забрал Ефимович вещицу. — Идем, нам еще в Генеральный штаб попасть надо. Интересно, Валера машину починил? Если нет, то городским транспортом поедem, — нарисовал Владимир Ефимович не радужные перспективы.

— Я на машине, — осмелился доложить Сомов.

— На какой машине? — встал как вкопанный военный атташе.

— Трофейный Фиат. В Вольдеморо отбить удалось, — признался лейтенант.

— Ну, ты и пострел! — даже не знал Владимир Ефимович как выразить свои чувства.

Глава 3

Генеральный директор безопасности Мануэль Муньос Мартинес был сильно недоволен работой подчиненных, которые никак не могли прекратить диверсионные вылазки сторонников националистов в Мадриде. Во второй республике полным ходом происходило преобразование органов правопорядка, и с этими реорганизациями был потерян контроль над общественной безопасностью. В работу полиции и жандармерии вмешивались добровольческие военные формирования, и другие различные вооруженные группы, представлявшие разнообразные политические партии. Мадрид был наводнен не только сторонниками Франко, но и простыми уголовниками. Расследовать преступления порой было просто не кому, так как зачастую сотрудников органов правопорядка привлекали для оказания посильной помощи на фронте. Приказы следовали один за другим, и порой даже противоречащие друг другу. Вот в таком политическом и законодательном хаосе приходилось нести службу сотрудникам СРПР. Получив очередной разнос от начальства, капрал Бланка Эстель со своей мобильной группой отправилась на очередное ночное дежурство. Водитель Карлос Кортес пришел в органы из таксомоторного парка. Отец троих детей в первую очередь думал не о политическом строе в стране, а о том, как прокормить свою семью. Рядовой Габриель Гар-

сия служил еще в Гражданской гвардии и после путча националистов остался верен правительству, а затем перешел в СРПР. Себастьян Линарес в прошлом был полицейским, и так же остался верен правительству. Но если первые двое были беспартийными, то Себастьян связался с анархо-синдикалистской партией (НКТ). Теперь быть партийным считалось даже модным. Бланка и сама была членом Объединенной социалистической молодежи JSU. До того момента, как оказаться в рядах провинциального комитета по общественным расследованиям она служила в полиции. Имела шансы на стремительный профессиональный рост, но после того, как отказалась переспать со своим начальником, ушла из полиции и увлеклась политикой. Основной задачей автомобильного патруля было пресечение диверсий контрреволюционным элементом в осажденной столице. Их Ситроен, а в связи с близостью Франции, Испания была буквально наводнена продукцией автомобильной промышленности соседней страны, миновав монументальные ворота, покати по ночным улицам в сторону Пуэнте де Вальекас. Парни в машине внимательно смотрели по сторонам, стараясь не упустить из вида малейшие подозрительные действия. Сначала их остановил патруль, состоящий из рабочих ближайшего завода. Рабочие были обеспокоены отсутствием порядка в городе и по своему реагировали на акты саботажа и диверсии. Бланка разрешила возникшую ситуацию в свою пользу, пообещав рабочим устроить проверки подозрительных авто. Для этой

цели они заняли позицию на одной из улиц района. Первым остановили грузовик. С ним никаких сложностей не было. Затем они заметили узкий луч света приближающегося легкового автомобиля. Парни рассредоточились, заняв позиции для возможного открытия огня. Эстель расстегнула деревянную крышку на кобуре своего маузера. Немного громоздкое оружие как для женщины, но зато многозарядное и с приличным боем. Из него можно было положить противника с большого расстояния. В машине увидев вооруженных людей, начали сбавлять ход. Девушка, включив фонарик и придерживаясь одной рукой за рукоятку маузера, подошла к «Hispano-Suiza». В кабине трое и все мужчины. Это настораживало. Опустилось стекло на заднем пассажирском сидении и у нее поинтересовались: «Что вы хотели офицер?»

«Назвали офицером, странно», — размышляла Бланка. Или человек не разбирается в званиях или просто решил сделать ей комплимент.

— Что я хотела? — еще раз осветила она лица сидящих в авто людей. Этот молодой, что разговаривал с ней, был явно ей знаком.

— Ваши документы, — потребовала она. Небольшое движение внутри салона и знакомый голосок произнес: «Пожалуйста». Сомнений не оставалось, этого молодого человека они задержали за нападение на Долорес Ибаррури и сегодня утром его забрал русский по распоряжению министра безопасности. «Значит парнишка не простой, раз дело до ми-

нистра дошло. Стоило ей посмотреть в документы, как все стало понятным. Перед ней были сотрудники советского посольства. Это друзья Испании и никто задерживать их не станет. Куда они могут ехать в столь поздний час? Это их дело. Зачем ей это знать? Да и не факт, что они скажут правду». Она вернула паспорта, но придержала документы молодого человека. Откуда он так хорошо знает испанский? С легкой иронией в голосе Бланка спросила: «Мексиканец?». Парень в ответ улыбнулся и весело ответил: «Мексиканец». Она отдала его документы.

— Проезжайте, — больше не задерживала Эстель пассажиров автомобиля.

— Кто такие? — подошли к капралу ее подчиненные.

— Русские, — ответила девушка.

— Ты их знаешь?

— Одного из них, — не стала врать Бланка.

Они бы простояли здесь и дольше, но Линарес вспомнил, что его жене не удалось купить хлеба, из-за большой очереди в булочную и теперь семья осталась без хлеба.

— Капрал, может, заедем на пекарню? Я знаю одну частную пекарню, которая по ночам печет хлеб. У них есть свой магазин, который работает допоздна, — плаксиво умолял Бланку Себастьян.

Она сначала не хотела уезжать с поста, но, затем, не выдержав этого нытья, все же решила пойти навстречу подчиненному. Кортес уверенно повел их Ситроен по мощен-

ной булыжником мостовой. Водитель был осведомлен, о каком объекте шла речь. Пекарня от глаз мадридцев укрылась в каком-то невзрачном переулке. Неподалеку от маленького хлебного магазинчика стояла у тротуара легковушка. Возможно, это приехали такие же незадачливые покупатели, как и они.

— Линарес, постарайся решить свой вопрос побыстрее, — попросила его Бланка. Мужчина закинул карабин за спину и быстрым шагом направился к магазину. Капрал вышла из машины, чтобы размять ноги.

— Карлос, угости сигареткой, а то мои закончились, — попросила она закурить у Кортеса. Тот похлопал себя по карманам и изобразил на лице полное недоумение. Больше можно было и не спрашивать. Сигарет у него не было. «Скряга», — не хорошо подумала о водителе Эстель. Наверняка сигареты у него были, только делиться он не с кем не собирался. Карлос сэкономил на всем, чтобы собрать хоть какой-нибудь капитал для своей большой семьи. Зато Гарсия не отказал в просьбе. Он тоже покинул машину и протянул капралу открытую пачку с куревом.

— Угощайтесь, — предложил мужчина. Карлос потянулся к пачке тоже. «Вот дармоед», — возмущалась про себя девушка. Габриель услужливо щелкнул зажигалкой, давая возможность товарищам прикурить.

— Тяжело стало в Мадриде с продуктами, — решил Гарсия поговорить на отвлеченную тему.

— Чего ты хочешь, город считай в осаде, — согласилась Бланка.

— Я таких очередей за продуктами никогда в жизни не видел, — продолжал начатую тему Габриель. — Люди говорили, что должен прийти пароход из Советского Союза с провиантом.

— Республике в первую очередь нужны танки и пушки, — высказала свое мнение Эстель.

— Ну, не скажи, — не согласился собеседник.

— Где этот Линарес? Что он там застрял? — начала нервничать капрал. Из магазина выскочило несколько человек с баулами в руках, которые озираясь на вооруженных людей, быстро проследовали к автомобилю. Это показалось парням подозрительным.

— Стоять! — крикнул Гарсиа незнакомцам, снимая с плеча карабин. В ответ на его требования позвучал выстрел. Сигарета сама по себе выпала изо рта капрала. Легковушка тронулась с места.

— Габриель, проверь магазин! — крикнула Бланка, запрыгивая на переднее сидение.

— Карлос, давай за ними, — приказала девушка. Ситроен, взвизгнув покрывками, пустился в погоню.

— Капрал, может не стоит? Нас всего двое, что мы сделаем? — заволновался водитель. Из преследуемой ими машины высунулось из окна туловище человека, который дважды выстрелил в автомобиль преследователей.

— Жми Карлос, а то уйдут. На главную улицу они рвутся. По ней быстро уедут на окраины, и мы их потеряем, — переживала Эстель, доставая из кобуры свой маузер. Стопы бандитской машины сверкнули красным светом перед тем, как преступники выскочили на широкую улицу.

— Карлос, не отставай! — молила шофера девушка. Тот крутанул руль, и их Ситроен свернул в какой-то проулок.

— Ты чего, Карлос? Струсил? — смотрел водителю под ребра ствол пистолета капрала.

— Знаю я, куда они спешат, — не испугавшись этого угрожающего жеста, произнес мужчина. — Приготовься, сейчас мы их догоним, — уверенно произнес водитель, совершая ещё один резкий маневр. Перед тем, как им выскочить на проспект, Бланка заметила проскочивший впереди них легковой автомобиль.

— Это они! — уверенно произнесла девушка.

Теперь полицейские оказались позади преступников. Бланка насколько могла, высунулась из окна в сторону и прицелилась из своего маузера. Пах! Пах! Пах! — одним за другим раздалась серия выстрелов. Легковушка вильнула из стороны в сторону и со всей скорости врезалась в угол дома. Преследователи остановились рядом, и выбежали на проезжую часть с оружием в руках. В салоне разбитого авто зашевелились.

— Бросайте оружие и выходите! — закричал Карлос, испуганно остановившись. Эстель наоборот уверенно подошла

к машине и рывком открыла дверцу. Кортес так и не понял, что хотел сделать преступник, поднять руки, чтобы сдать-ся или направить на капрала свое оружие. Из ствола маузера вылетело пламя. Выстрелы из такого пистолета отличались от других своим неповторимым басом. Девчонка просто хладнокровно расстреляла всех находившихся в машине людей. Вот так, без суда и следствия. Карлосу даже стало как-то не по себе от такого хладнокровия. Мало того, капрал еще забрала баулы с награбленным хлебом и обыскала тела убитых.

— Возвращаемся, — строго сказала она.

— А как же быть с этими? — кивнул Карлос в сторону покойников.

— Надо узнать, что с Линаресом. Может, ему помощь нужна? Оттуда и позвоним в генеральную милицейскую инспекцию, пусть сами разбираются, — не утруждала Бланка себя лишними заботами.

Себастьяну действительно нужна была медицинская помощь. Грабители ударили его ножом, но, слава Богу, что остался живой. Пришлось везти парня в ближайшую больницу.

Глава 4

События последних дней развивались столь стремительно, что Сомову буквально приходилось валиться с ног, сопровождая Владимира Ефимовича по всему мадридскому участку обороны. Четвертого ноября пал аэропорт в районе Хетафе. В небе Испании начались ожесточенные воздушные бои. Советские летчики пытались прикрыть небо Мадрида от постоянных бомбежек ВВС франкистской коалиции. Николай привез товарища Санчо в советское посольство. Горев вошел в кабинет советского посла Розенберга. Чуть погодя туда же прошли Кольцов, Берзин и еще несколько человек. Ян Карлович неплотно прикрыл за собой дверь и теперь Сомов мог слышать все, о чем говорили советские представители. Секретарша не удосужилась ее прикрывать, занимаясь своей бумажной работой и периодически поглядывая в сторону лейтенанта, который откинувшись на спинку стула, ожидал в приемной появления своего начальника.

— Товарищи, обстановка крайне сложная. Враг у ворот столицы, — начал совещание Розенберг.

— Это мне напоминает чем-то Петроград.

— Все гораздо хуже Марсель Израилевич, — возразил Берзин.

— Африканская армия генерала Варелы заняла пригородные кварталы Алькорком и Леганес. Если они продолжают та-

кой натиск, то завтра будут в центре Мадрида, — сделал прогноз Ян Карлович.

— Какие меры по этому поводу предпринял генерал Асенсио Торрадо? Это ведь в его ведении находится Центральный фронт? — интересовался посол.

— Оборона сыплется на глазах. Командование самоустранилось, среди командиров распространены пораженческие настроения. Нет никакой связи и взаимодействия с подразделениями регулярной армии и добровольцами, — уныло произнес военный советник.

— К нам попала схема расстановки вражеских войск под Мадридом, — вставил свое словечко Горин. — Кстати, его добыл недавно прибывший из Союза наш переводчик. Парня стоило бы за это представить к награде.

— После того, как мы потеряем Мадрид, нас всех представят к награде, — не удержался от черного юмора Розенберг.

— Так вот, я сунулся с этой схемой в штаб фронта, а там меня и слушать никто не стал. Такое ощущение, что они уже смирились с падением столицы. В штабе суета и неразбериха. Этот орган на данный момент по моей оценке не способен принимать адекватных решений, — недовольно произнес Горин. — Я не знаю на кого можно в данный момент положиться. Наши асы в небе отчаянно дерутся с итальянцами и немцами, но успех куется на земле. Боеспособный коммунистический полк Листера и наша танковая бригада не спо-

собны сами удержать противника, — продолжал доклад Владимир Ефимович.

— Значит что, сдаваться? — гневно воскликнул посол.

— Я не призываю к сдаче, — ответил Горев.

— Товарищи, Коммунистическая партия Советского Союза и лично товарищ Сталин не допустят падения Мадрида. Наша задача сплотить воедино все силы, которые разделяют наши взгляды. Мобилизовать на борьбу всех коммунистов и им сочувствующих на защиту города, — послышался голос Кольцова. — Я выйду на связь с лидерами компартии Испании и Объединенной социалистической молодежи, и обратимся с их помощью ко всем левым силам в Народном фронте, — обещал корреспондент газеты «Правда».

— Может, стоит поговорить с премьер-министром Ларго Кобальеро? Он ведь, между прочим, занимает должность и военного министра, — вышел с инициативой Марсель Израилевич.

— Я думаю это бесполезная трата времени, учитывая ту чехарду по смене министров которую они устроили в правительстве, — критически отнесся к этому предложению Берзин.

Сомов изобразив на лице маску безучастности, внимательно прислушивался к разговору, происходящему за стенами кабинета. Неожиданно его внимание отвлекла появившаяся в приемной Мария Остен.

— Совещание уже началось? — поинтересовалась она у

секретарши. Та утвердительно кивнула головой.

— Рада вас видеть Николас. Говорят вы стали настоящим героем? Отличились при обороне Вальдеморо и взяли богатые трофеи? Товарищ Санчо не может вами нарадоваться. Какие-то секретные документы достали и еще вернулись на итальянском авто, — похвалила молодого человека немка.

— Зато у товарища Мендеса возникло несколько вопросов ко мне. Кто подарил мне этот автомобиль и не подсунули ли мне ложные документы с дезинформацией? — усмехнулся Сомов.

— Людям из ведомства Орлова всюду мерещатся шпионы. Мы-то знаем, что вы настоящий герой! — приятно улыбнулась ему антифашистка и вошла в помещение, где происходила встреча.

На этот раз двери были плотно закрыты, и Николай откровенно заскучал, не решившись завести разговор с пожилой секретаршей. Когда его шеф освободился, они быстро покинули отель Гейлорд. Улицы столицы были запружены повозками и автомобилями с беженцами. Кто-то умудрялся даже тащить за собой домашний скот, хотя казалось, откуда в городе ему взяться.

— Все так плохо? — не поворачивая головы, спросил Коля, управляя трофейным автомобилем.

— А ты сам не видишь? — вопросом на вопрос ответил Владимир Ефимович. — По этим толпам беженцев можно судить о наших успехах на фронте.

— Куда мы сейчас? — поинтересовался Николай конечным пунктом их передвижения.

— К себе, — буркнул комбриг. У него в помещении Генерального штаба был свой кабинет. — Надо будет уничтожить некоторые документы на случай захвата Мадрида националистами, — признался Горев.

Уж если такой человек как Санчо, собирался жечь документы, то дела действительно обстояли плохо. В здании Генерального штаба была не меньшая суета, чем на улицах. Из кабинета в кабинет бегали офицеры с кипами каких-то бумаг. На улице в бочках, жгли приказы и распоряжения и еще неизвестно какую документацию. В отделах паковали в чемоданы печатные машинки и другое имущество. Владимир Ефимович стал планомерно разбирать все свои рукописи и записки. На столе у него зазвонил телефон. Комбриг поднял трубку и выслушал все, что ему сообщил оппонент на другом конце провода. Выражение лица военного атташе менялось с каждой минутой.

— Я вас понял, — положил Владимир Ефимович трубку.

— Марокканцы вошли в Карабанчель. Там идут тяжелые бои, — удрученно произнес атташе. У Сомова екнуло сердце. В военном госпитале Карабанчеля работала Исабель. Что теперь с ней станется?

— Возьми эти бумаги и сожги на улице, — попросил парня комбриг, протягивая ему листы бумаги.

— Карту жечь будем? — задал вопрос переводчик.

— Какую? — поднял голову от стола комбриг.

— Ту, что я вам из Вальдеморо привез. Мендес думает, что это фальшивка и мне ее специально подсунули. И за автомобиль он на меня косо смотрит, — пожаловался Сомов.

— Мендес не военный, откуда ему знать? Твои документы очень ценные. Если их правильно использовать, то можно предотвратить полный разгром республиканской армии.

— Кому они здесь нужны? Видите, что они собрались бежать словно крысы, — не очень хорошо отозвался Николай о сотрудиниках Генерального штаба.

— Нас спасет только чудо, и я пока еще на него надеюсь, — не терял веры в успех Владимир Ефимович.

— Давай завершай с бумажками, и поедем в полк Листера, — поторопил лейтенанта военный атташе. Благодаря Гореву и его поездкам, Сомов понемногу стал осваиваться в Мадриде. Коммунистический пятый полк Листера был настроен драться до конца и явно не собирался отступать из Мадрида. Такой настрой военных вселял оптимизм на фоне пораженческих настроений царящих в остальных частях. На обратном пути заехали на радио Мадрида, с которого непрерывно вели трансляцию прокоммунистические дикторы, призывающие жителей столицы вставать на защиту города. «No pasaran!» — доносилось из всех приемников. Призыв к борьбе и стойкости, который заставлял сжиматься кулак в праведном гневе, а губы сами шептали «Viva la Republica!» Был здесь и Кольцов, который сразу же подошел к Владимиру

Ефимовицу.

— Что скажете Владимир Ефимович, отстоим Мадрид?
— бодро поинтересовался корреспондент «Правды».

— Отстоим, — не совсем уверенно ответил Горев.

— Вы наверняка едете с позиций? — догадался Мигель Мартинес. — Как там обстановка?

— Получше чем в Генеральном штабе, — усмехнулся Санчо.

— Сегодня Сантьяго Коррильо из JSU и Антонио Михе из компартии Испании, были на приеме у премьера Ларго Кабальеро, — поделился информацией Кольцов. — Знаете, где они его встретили? В коридоре с чемоданами в руках. Причем Кабальеро их клятвенно уверял, что правительство никуда переезжать не собирается. У них создалось иное впечатление, — удрученно сообщил корреспондент «Правды».

— В военном ведомстве такая же сумятица, — согласился комбриг. — Обороной города просто некому заниматься. Что в Москве по этому поводу думают?

— В Москве только еще думают, — саркастически заметил Кольцов. — Коммунисты и профсоюзы настроены решительно. Остается вопрос за руководством. Я все еще надеюсь, что Ларго наберется решимости защитить город, — высказал надежду Михаил Ефимович. — Если, что, я на проводе. Постараюсь держать руку на пульсе событий, — попрощался с Горевым Мигель Мартинес.

Сегодня Владимир Ефимович и Николай ночевали в ка-

бинете военного атташе в Генеральном штабе. Санчо устроился на потертом старом диванчике, а Сомову пришлось коротать ночь на стульях. Разбудил их ранний телефонный звонок. В помещении было настолько тихо, что Коля четко услышал в трубке голос Кольцова.

— Владимир Ефимович, вы еще спите? Извините, что разбудил. Дело не требует отлагательств. Кабинет министров Ларго Кабальеро покидает Мадрид. Ларго заявил, что администрация не может выполнять свои функции, находясь в зоне боевых действий, поэтому эвакуируется в Валенсию.

— Что с фронтом? — интересовала Горева военная составляющая этого события.

— Он поручил возглавить Хунту по обороне Мадрида генералу Миахе. Что вы скажете по этой кандидатуре? — поинтересовался корреспондент газеты «Правда».

— Миаха комендант мадридского гарнизона и по совместительству командир первой испанской дивизии. Староват, конечно, но это лучше, чем кто-то со стороны, — был краток военный атташе.

— В посольстве никто уже не спит. Наша задача помочь этому Миахе сформировать Хунту. Я обзвонил всех знакомых мне лидеров партий и профсоюзов. Подключайтесь с Берзиным по военной части, попросил Мигель Мартинес.

— Вставай Коля, работенка подвалила, — окликнул Горев Сомова, набирая на телефоне знакомый ему номер.

— Ян Карлович, только что звонил Кольцов. Сообщил,

что правительство Ларго покидает Мадрид. Сказал, что Кабальеро поручил защищать город генералу Миахе, — начал следующий разговор атташе.

— Все верно товарищ Санчо. Я уже имел беседу с генералом. Просил нашей помощи. Премьер дал ему полномочия, но не дал подкрепления, чтобы решить поставленные задачи. Кольцов и все наши занимаются политическим аспектом, мы должны с тобой решить ряд практических вопросов. Полномочия Миахе дали, только оставили в подчинении Центрального фронта. Кстати командующим фронтом назначили генерала Себастьяна Посаса. Я переживаю, что этот кризис власти пагубно отразится на боевом духе обороняющихся солдат. О назначении Миахи мало кто знает, и ретивые командиры могут ему не подчиниться. Сам знаешь этих анархистов и прочих лихих ребят — раздалось на том конце провода.

— Что предлагаете? — слушал Горев дальше.

— Я помогу Миахе с формированием штаба, а ты поезжай по частям, где есть наши советники и поговори с командирами, чтобы те поддержали Миаху. Пусть подадут пример. Без единоначалия армия не сможет существовать. Я позволю Смушкевичу и Павлову. Если авиация и танковые части поддержат Хунту, то и остальным деваться будет не куда.

Николаю стало понятно, что денек предстоял насыщенный.

Глава 5

Пожилой генерал, сидя на заднем сидении легкового автомобиля, всматривался в отблески зарниц пожарищ. Мадрид ночью снова бомбила итало-немецкая авиация. Он едва успел сомкнуть глаза, заняв свое место на супружеском ложе, рядом с мирно посапывающей женой, как раздались трели телефонного звонка. За последние годы он привык, что его сон могут прервать в любое время суток. Ничего не поделаешь, служба. Звонил адъютант заместителя военного министра. Ему, генералу Хосе Миахе, надлежало прибыть в штаб фронта для встречи с Асенсио Торрадо. Ничего хорошего такие ночные встречи не сулили. Промчавшись по ночным улицам столицы, они остановились у здания штаба. Охрана, зная машину генерала, беспрепятственно пропустила их на территорию штаба. Несмотря на позднее время суток в помещениях горел свет и по коридору сновали туда-сюда штабные офицеры. Он вошел в приемную и встретился там с генералом Себастьяном Посасом. По-видимому, и его вытащили из дома в этот неурочный час. Адъютант командующего Центральным фронтом Торрадо пригласил офицеров в кабинет заместителя военного министра.

— Camarades generales, прошу прощения за то, что так рано вас поднял, — вышел им навстречу Асенсио. Стрелки часов на его настенных часах показывали три часа ночи.

— Дело особой важности. Правительство республиканской Испании не может выполнять свои функции, находясь в зоне боевых действий, и поэтому было принято решение, перенести все государственные органы в Валенсию, — объявил Торрадо.

— Это же в 120 километрах от Мадрида, — не удержался от высказывания Посас.

— Там будет спокойней, — без всяких волнений ответил хозяин кабинета.

— Мы сдаем Мадрид? — предугадал ход мыслей всех присутствующих Миаха.

— Отнюдь, — улыбнулся Асен시오. — Именно вам, военный министр поручает сформировать Хунту по обороне города и отразить атаки националистов, — словно издеваясь над генералом, произнес Торрадо.

— Мне? — Хосе посмотрел в сторону товарища. Заместитель министра догадался, о чем мог подумать Миаха.

— Генерал Посас назначен командующим Центральным фронтом. Вы будете координировать свои действия с руководством фронта и в оперативном плане подчиняться его командам. Но хочу вас порадовать, это только в оперативном плане. В основном вам предоставлены особые полномочия. Вы назначаетесь председателем Хунты по обороне Мадрида. По своему усмотрению сформируйте совет обороны из представителей партий Народного фронта, — отдавал распоряжения генерал.

Себастьян Посас незаметно выдохнул. Хорошо, что его миновала эта участь. Удержать Мадрид почти невозможно, а войти в историю, как генерал сдавший столицу Испании ему очень не хотелось. Это пятно не только на всю оставшуюся жизнь, но и еще на всех родственников.

— И какие вы придаете мне силы, чтобы защитить город? — насупился Хосе, понимая, что резервов на данный момент не существует.

— Все, — небрежно махнул рукой Торрадо. — Все, которые находятся на мадридском участке фронта. Четыре бригады расположенные южнее столицы в районе реки Харама не трогать, чтобы не обвалить весь центральный фронт, — сразу же оговорился заместитель министра. Выходило, что резервов никаких и ему только достается разношерстный гарнизон самого Мадрида с его отрядами милисианос, деморализованной первой дивизией и пока еще боеспособными частями советских специалистов. Это было похоже на то, что Миахе готовили роль козла отпущения и собирались на него повесить всех собак, в случае падения столицы. Такая роль ему не сильно нравилась, но как человек военный он должен был подчиниться приказу.

— Поверьте, мой друг, у вас есть шанс вписать свое имя золотыми буквами в новой истории Испании, — улыбался Асенсио. Эта улыбка больше была похожа на откровенное издевательство. — Я подготовил вам пакеты с подробными инструкциями, — выдал он им запечатанные конверты. —

Вскроете, — Торрадо повернулся к своим настенным часам и посмотрел на показания стрелок. — В шесть утра седьмого ноября, — определил генерал время вскрытия документов.

Миаха даже догадался, почему так поздно. За это время правительство Кабальеро сбежит из Мадрида, оставив бразды правления в его руки. С них тогда и спрос невелик.

— Если все понятно, то я вас больше не задерживаю. Инструкции при вас, — быстро распрощался с генералами Торрадо. Мужчины вышли в коридор.

— Спешит, — осуждающе заметил Хосе.

— Я с инструкциями ждать до седьмого ноября не собираюсь, — определил свой выбор Миаха.

Он с решимостью человека принявшего важное решение в своей жизни вскрыл пакет. Пробежав глазами по машинописному тексту, иронично хмыкнул.

— В штабе уже не верят в нашу победу. В случае взятия города предписано отступить на Куэнку, — резюмировал он прочитанное. Посас последовал примеру собеседника. Ларго Кабальеро предлагал ему организовать работу штаба фронта в Таранконе. Миаха был прав. Правительство предусматривало в этих своих инструкциях, что Мадрид непременно падет. Оставалось только посочувствовать Хосе. Здесь пути военных разошлись. Понутив голову, Миаха прошелся по зданию, заглядывая в кабинеты. Везде кипела работа. Офицеры паковали необходимые вещи и уничтожали ненужную документацию. Местом его нового штаба распоряжением Каба-

льеро было назначено здание военного министерства. Именно туда и направился генерал в надежде встретить там прикомандированных к его штабу офицеров. Здание министерства встретило его темными окнами и открытыми дверями. В здании не было и живой души. Министерство успешно эвакуировалось никого после себя, не оставив. В одном из кабинетов Миаха присел возле телефонного аппарата и стал обзванивать знакомых ему офицеров. На звонки никто не отвечал, а если и поднимали трубку, то услышав о его назначении главой Хунты, неприлично фыркали в трубку. Лидеры политических партий, которые должны были войти в состав Хунты, сбежали как крысы с тонущего корабля. Разве что только остался один товарищ Михе, представитель Коммунистической партии Испании. Генерал рассказал ему суть проблемы и как ни странно Михе не впал в отчаяние, а обещал помочь. Действительно через короткий промежуток времени в военное министерство позвонил военный советник при посольстве СССР в Мадриде Берзин. После разговора с ним, звонков становилось значительно больше. Общение с командиром пятого пока Энрике Листером вселило в Миаху надежду, что еще не все потеряно. Пятый полк имел в своем распоряжении военные школы и курсы по подготовке командного состава, оружейные мастерские и склады и являлся костяком обороны Мадрида. Признание личным составом пятого полка генерала Миахи, как руководителя Хунты по обороне города, значительно укрепляло его

возможности и полномочия. Когда ночная мгла начала рассеиваться Хосе отчетливо слышал шаги в коридоре и людские голоса. Штаб Хунты начинал оживать. Генерал решил пройти по зданию и осмотреться. Открыв высокую дверь в одно из помещений штаба, удивился царящей здесь тишине. За столом, освещенным светом настольной лампы сидел не молодой круглолицый офицер в очках, и что-то старательно писал. Такое спокойствие и сосредоточенность делом заинтересовала генерала. На звук отрываемой двери офицер повернул голову в сторону вошедшего человека. Теперь Миаха узнал военного. Это был полковник Винсент Рохо, достаточно известный в узких военных кругах человек. Винсент в свое время занимался преподавательской деятельностью в Толедской Пехотной Академии, а затем учился в Высшей военной школе при Генеральном штабе, имел ряд научных работ по тактике и огневой мощи военных подразделений. Увидеть его в Генеральном штабе в такое время было полной неожиданностью.

— Полковник, что вы здесь делаете в такое время? — удивился Миаха.

— Работаю, — спокойно ответил Винсент.

— И это вам не мешает? — пространственно взмахнул руками Хосе, пытаясь движением рук охарактеризовать всю трагичность сложившейся ситуации.

— Нисколько.

— Разве вы не уезжаете в Валенсию или быть может в Та-

ранкон? Сейчас все штабные туда эвакуируются, — поинтересовался генерал.

— Меня туда не приглашали, — все так же спокойно отвечал мужчина.

— Забыли или не захотели? Впрочем, это теперь не важно. Если вами не заинтересовался Генеральный штаб, то позвольте мне предложить вам службу, — сказал генерал.

— Где и в качестве кого? — был краток Рохо.

— В Мадриде, в качестве начальника штаба совета по обороне. Правительство назначило меня председателем Хунты по обороне города, — сделал предложение Хосе. Полковник поднялся со стула и встал напротив генерала.

— Почту за честь принять ваше предложение.

Наверное, так совпало, но час назад ему позвонили известные в Мадриде люди и попросили приехать в министерство. Он не стал спрашивать Миаху, навязали ли тому такое решение, или это его предложение было чистой случайностью. С каждым утренним часом людей становилось все больше и больше. Висенте Рохо быстро включился в работу, а ее было неимоверно много. Интенданты убежали вместе с центральной властью, и теперь надо было уточнить, сколько имеется у новой Хунты боеприпасов, оружия и где оно находится. Одной из основных задач было и установление связи с частями и отрядами обороняющими столицу. Пришлось отправлять посыльных за командирами частей и отрядов или делегатами от них, для того, чтобы уточнить числен-

ность подразделений, их потребность в боеприпасах и порядок организации связи и взаимодействия. Параллельно решению военных вопросов шло и само политическое формирование Хунты. Признанных лидеров партий, которые покинули Мадрид, заменили их более молодые подражатели. Активное участие в жизнедеятельности нового органа власти принимали советские военные специалисты.

Глава 6

С того момента, как Горев прибыл в штаб генерала Миахи работенки для Сомова, как переводчика прибавилось. Ему приходилось помогать не только своему шефу, но и остальным советским специалистам, которые здесь присутствовали. Кольцов подхватил за локоть Николая, чтобы тот помог донести ему некоторые свои соображения по вопросу обстановки в городе представителю компартии Испании.

— Надеюсь, товарищ Михе знаком с ситуацией в тюрьмах столицы, — стал переводить Сомов речь корреспондента газеты «Правда» направленную в адрес Антонио Михе.

— Благодаря работе органов внутренних дел, выявлено множество саботажников и просто врагов Республики, которые ждут прихода Франко. Ими просто забиты все камеры. В случае если фалангистам удастся захватить город, то представляете, сколько человек станет под знамена националистов? — подводил Мигель Мартинес своего собеседника к принятию важного решения.

— Что я могу поделать? Они все ждут приговора суда, да и эвакуировать их мы не сможем. У нас нет столько транспорта и людей, — не совсем понял Антонио, чего от него хотят.

— Суды не работают так быстро, как продвигается Африканская армия. Этих людей не надо будет агитировать за Франко. Им останется только выдать оружие и тогда дикта-

тор в одночасье получит несколько тысяч новых солдат. Может ли Республика допустить такое?

— Что вы предлагаете Мартинес? — напрямую спросил испанец. — Как бы поступили в таком случае у вас? — имел он в виду Россию.

— У нас бы всю контру поставили к стенке и не стали бы заниматься эвакуацией. Когда франкисты займут Мадрид, то они вряд ли будут ждать решений суда, а просто расстреляют таких как вы, — решил Кольцов немного запугать коммуниста.

— Вы не верите в нашу победу? — последовал провокационный вопрос от Антонио Михе.

— В победу верю, но не исключаю возможности оставления города, — обтекаемо ответил Кольцов.

— Но если мы решимся на такое уничтожение своих противников, то это будет нарушением закона.

— Товарищ Михе, где последнее время в Испании соблюдался закон? Противоборствующая сторона сильно соблюдает законы? Или быть может, бомбардировки мирных жителей законны? Это война, и на войне все средства хороши. Когда мы делали революцию, то опирались на революционную целесообразность, а не на законы. Законы хороши в мирной жизни, — был непреклонен в своем взгляде на проблему Мигель Мартинес.

— С этим могут возникнуть проблемы. Тюрьмами опекается министр юстиции, а он анархист. У нас с ними различ-

ные взгляды на суть вопроса, — пребывал в раздумье руководитель компартии.

— Можно ведь обставить дело совсем по-другому. Не обязательно устраивать казни непосредственно в тюрьмах. Объявите о переводе заключенных в более безопасное место. Успокойте тем самым анархистов, — предложил один из вариантов. — Пусть заключенных перевезут в рабочие кварталы, где пролетарии будут их охранять значительно надежней. А вот, кстати, и тот человек, который непосредственно занимается безопасностью в республике. Разрешите вам представить товарища Орлова, — приветливо махнул Кольцов рукой мужчине в военной форме, который двигался в их сторону.

Его острые черты лица выдавали в нем принадлежность к еврейской национальности. Орлов поспешил присоединиться к их разговору. Причем для Орлова переводчик не понадобился. Антонио Михе решать эту проблему не захотел, сославшись на то, что это не в его компетентности. Зато подсказал, кто из коммунистов может принять подобное решение, обладая властными полномочиями. Таким человеком оказался Сантьяго Каррильо, которому совет обороны поручил заниматься ополчением и вопросами общественной безопасности. Коль Орлов мог изъясняться с оппонентами на их языке, то в услугах Сомова, Кольцов больше не нуждался. Это не значило, что парень остался без дела. Владимир Ефимович дал ему новое поручение. Николаю необхо-

димом было сопроводить офицера штаба в указанные им районы для уточнения расположения республиканских войск. На этот раз Кольку использовали не как переводчика, а как простого водителя. Таких групп было несколько. Сомов еще не досконально знал столицу Испании и поэтому офицер подсказывал, куда следует ему направляться. Услышав о знакомом районе Карабанчели, Николай даже обрадовался. А вдруг получится встретиться с Исабель? Или на худой конец он узнает, где теперь ее можно найти, если противник занял военный госпиталь. Рабочее предместье значительно отличалось от просторных улиц центра. Дороги хоть и мощенные брусчаткой, но значительно уже, отчего казалось, что дома по обе стороны проезжей части нависали над головой. Бельевые веревки, натянутые между балконами, с развешенной на них одеждой, создавали такое впечатление, что ты попал не в современный город, а в эпоху Сервантеса, с его унылым Дон Кихотом и жизнерадостным Пансой. Но чем дальше автомобиль пробирался в глубь квартала, тем больше война напоминала о себе. Появились разбитые орудийным огнем дома, и куда-то исчезло выстиранное белье. Звуки выстрелов становились все слышнее. Их остановили милисианос и сказали, что дальше движение будет небезопасным. Офицер интересовался у парней, как ему можно найти их командира, а Николаю был интересен военный госпиталь. Они разошлись со штабным офицером по разным направлениям договорившись встретиться у машины. Когда в воздухе запе-

ли пули, пришлось прижиматься к стенам домов и даже двигаться перебежками. Вооруженные пролетарии с удивлением посматривали на человека в костюме, и даже пару раз проверили у него документы. Так с грехом пополам Сомову удалось достигнуть здания военного госпиталя. До него «регулярес» еще не добрались, но судя по перестрелке, линия разграничения проходила совсем рядом. У центрального входа медицинского учреждения стояло несколько грузовиков с красными крестами на бортах. В них грузили раненных. Николай протиснулся между бойцами внутрь здания. Получившие ранения республиканцы спускались с помощью медицинского персонала по каменной лестнице со второго этажа в холл, в надежде, что им достанется свободное место в кузове грузовика.

— Извините, не подскажете, здесь работает медсестра Исабель, как мне ее можно найти? — приставал Николай с расспросами к медсестрам. Те только пожимали плечами.

— Черт! Ну, где же она? — отчаялся в своих поисках лейтенант. Он уже собирался уходить, когда заметил ту, ради которой прибыл сюда. Девушка помогала мужчине с костылями спуститься по лестнице.

— Исабель! — радостно воскликнул переводчик, перехватывая раненного республиканца с другой стороны. Мужчина с интересом посмотрел на незнакомца.

— Николас, это вы? Зачем вы приехали? Здесь сейчас опасно, — переживала за него испанка.

— Я очень хотел вас увидеть. Соскучился, можно сказать. Пациент госпиталя, оказавшийся между ними, переводил молчаливые взгляды с парня на девушку.

— Вы смущаете меня. Я же вам ничего не обещала.

— Поэтому я и здесь, чтобы услышать ваше обещание, — ответил лейтенант.

— И что я вам должна обещать? — не поняла девушка.

— Что не станете меня больше прогонять и согласитесь на свидание со мной, — был напорист Сомов. — Я очень переживал, когда слышал, что мавры атакowali Карабанчель. Я в первую очередь подумал о вас. Не случилось ли с вами чего-нибудь? Мне так захотелось вас увидеть и вот, я здесь, — продолжал разговор лейтенант.

— Вы случайно ради меня не сбежали со службы? Не хочу, чтобы у вас были неприятности, — волновалась за парня медсестра.

— Я не настолько безрассуден. Это как раз служба и привела меня сюда, — заверил ее собеседник. Хорошо, что удалось вас увидеть. Если бы этого не случилось, то отчаянию моему не было предела.

— Да бросьте вы Николас. Вы настоящий ловелас. Так щебечите, что любое женское сердце дрогнет. Знаем мы вас. Пылкие слова, объятия, получите что хотели, а потом и след простыл. Все это не серьезно, — не поддавалась на его увещевания девушка. — Вас, наверное, в России девушка ждет? — задала вопрос испанка.

«Ждет ли его Маша? Возможно, что ждет, хотя Николай ничего девушке не обещал. Но если он втайне писал ей письма, то подобное могла делать и Маша? Если пишет, то значит ждет. А вдруг и она вот так, как он в Испании, повстречала молодого человека? Выходит, что сохраняя верность своей московской подружке, он должен забыть о Исабель? Тогда, что получается? Мария встречается с парнем, а он остается один. Справедливо? Нет. Но с другой стороны парня может и не быть, тогда он поступает нечестно по отношению к москвичке. А если бы его убило в Вальдеморо? Впрочем, его может убить и завтра. Что тогда, нельзя ни в кого влюбиться?»

Эти мысли пронеслись в его голове за несколько секунд.

— Нет у меня девушки. Я вольный, как ветер, — соврал парень.

— В том-то и дело, что как ветер, — вздохнула медсестра.

— Твой парень русский? — неожиданно заговорил раненый милисианос.

— Он не мой парень, — сделала небольшую поправку Исабель.

— Был бы я девушкой, то не отказал бы русскому. Они храбрые воины и наши друзья, — высказал свое мнение доброволец.

— Если они наши друзья, то я должна с ними спать? — возмутилась испанка.

— Исабель, я прошу лишь о свидании, — не стал переходить рамки приличия переводчик.

— Соглашайся, — поддержал мужчину раненный.

— Что вы ко мне все пристали? — фыркнула испанка и оставила добровольца без своей поддержки. Сомов сам подвел парня к автомобилю и помог забраться на борт.

— Спасибо тебе амиго! — пожал Николай руку бойцу.

— Успехов тебе камарада! Она хорошая девушка, береги ее, — успел мужчина дать напутствие лейтенанту, прежде чем на машине закрыли борт.

— Куда их? — спросил переводчик у медсестры.

— В приют святой Елизаветы. Там теперь разворачивают наш госпиталь. Здесь работать становится опасно, — пояснила сотрудница военного госпиталя. — С последней машиной уеду и я, — негромко произнесла девушка, провожая взглядом грузовики.

— Так как насчет свидания? — не отставал Николай.

— Вы такой настырный, — устало констатировала собеседница. — Я согласна, но на одном условии, — неожиданно смягчила свою позицию Исабель.

— Каком? — ожидал подвоха лейтенант.

— Оно должно состояться сегодня, — коварно улыбнулась медсестра. — Я работаю до восемнадцати часов, и потом весь вечер буду свободна. Я буду ожидать вас в сквере..., — не успела она закончить, как Коля прикрыл ладонью её рот.

— Давайте больше не будет цифр и мест. Я знаю, где вы живете и этого достаточно, — слегка приуныл переводчик.

К сожалению, он своему времени был не хозяин. Вырваться к девушке будет достаточно сложно, но это какой-то стимул к чему-то стремиться. Если он сможет попасть на свидание, то и приз должен будет соответствовать его стараниям. Николай с вожделением посмотрел на прекрасную Исабель, и в этот момент мозг почему-то не думал о Машеньке. Сейчас мозги вообще думали совсем о другом. Он молод, полон сил и его тело жаждало любви.

— Я обязательно буду, — обещал Николай и, спустившись с порога, побежал прочь от госпиталя. Исабель с озорными искорками в глазах провожала взглядом этого русско-го. Еще никто из парней так напористо за ней не ухаживал.

Сомов вел автомобиль, даже не удосужившись узнать у офицера о результатах его посещения отряда добровольцев. Все его мысли витали вокруг возможного способа, найти свободное время для встречи с девушкой. Они едва тронулись, когда увидели колонну вооруженных, разношерстно одетых людей,двигающихся в сторону военного госпиталя. Они не успели добраться до головы колонны, как их остановили добровольцы на первом перекрестке. Испанец в пилотке и военном френче, довольно погладил капот их Фиата и улыбнулся, оголив желтые от частого курения табака зубы.

— Подходит. Выходите, — приказал он пассажирам.

— Куда выходить? Отойдите от машины. Мы спешим в штаб Хунты, — недовольно воскликнул Сомов, высунувшись в окно автомобиля.

— Приехали, говорю. Именем республики мы конфискуем это авто.

— Как это конфискуем? — возмутился водитель, и вышел к парням с винтовками. Следом за ним покинул салон и офицер штаба.

— Вы не имеете права. Вот офицер, который выполняет личное поручение генерала Миахи. Вы знаете, кто такой генерал Миаха? — переходил на крик Николай. Судя по всему, ребята не слышали о таком.

— Он глава совета обороны города и теперь самый главный в Мадриде, — попытался просветить их лейтенант.

— Нам плевать, кто такой этот Миаха. Мы забираем автомобиль, — были они непреклонны в своем решении.

— Позвольте, вот мои документы, — вступил в перепалку пассажир Фиата.

— Засунь свои документы куда подальше. Хавьер сказал, что нужен автомобиль, вот мы его и достали, — не соглашались на их доводы товарищ в пилотке.

— Вас за самоуправство отдадут под суд, — попытался офицер напугать вооруженных людей.

— Это мы вас отдадим под суд!

— Да кто ты такой и что собой представляет ваш Хавьер? Мы представители штаба обороны и вы не должны чинить нам препятствий. Ведите сюда своего Хавьера. Будем разбираться, — перешел в словестную атаку Сомов.

— Пьер, что он на нас орет? — недовольно заметил один

из добровольцев. — Может они шпионы? Я в Карабанчеле таких не видел, — подсказал товарищ, так называемому Пьеру, вариант решения вопроса. Парень в пилотке понял, как следует решать вопрос.

— Руки за голову! Они точно шпионы. Руки, я сказал! — заорал Пьер на военных из штаба.

В их сторону уперлось пара винтовочных стволов. К Сомову подскочило несколько добровольцев, и быстро поставила его на колени на тротуаре. Точно так же поступили и со штабным офицером. Переводчику в затылок упиралось дуло Mausera 98k. Глупейшая ситуация. Получить пулю от своих, это действительно глупо.

— Послушайте, давайте поговорим, — попытался наладить диалог Сомов. — Я представитель советского посольства, — хотел он любыми путями разрешить этот кризис.

— Заткнись. Вон сразу как запел. Это точно шпионы. Кем они только не прикидываются. Может, сдадим их, куда следует? — предложил один из ополченцев.

— Нам нужна машина, — напомнил ему Пьер, не исключая возможности, что эти двое могут отвертеться от обвинений и начнут претендовать на автомобиль. Решить вопрос без суда и следствия было предпочтительней. Свидетелей не останется и авто перейдет к ним.

— По закону военного времени вы приговариваетесь к высшей мере наказания, расстрелу, — объявил свой вердикт Пьер. Расчет был достаточно прост. На рабочее предместье

наступала Африканская армия Варела и через день другой она полностью займет предместье, скрыв следы преступления.

— Вы, что творите? — не на шутку испугался Сомов. За его спиной послышался множественный шум ног. По каменной улочке шлепали несколько десятков подошв рабочих ботинок.

— Помогите! — выдавил из себя Николай, решившись на последний отчаянный шаг.

— Что случилось ребята? — послышался незнакомый голос.

— Шпионов поймали. Ездили по району и вынюхивали, что здесь и как, — ответил Пьер проходившим мимо парням.

— Мы не шпионы! — выкрикнул Николай и получил прикладом в затылок.

— Машина знакомая. Где я ее уже видел? — не удовлетворившись ответом Пьера, размышлял новый доброволец.

— Машину мы забираем себе, — сразу же предупредил чужака мужчина в пилотке.

— А этих куда? — ради интереса поинтересовался проходивший мимо доброволец.

— В расход. Нам некогда сдавать их в полицию. Сам видишь какая обстановка в округе, — без всякого сожаления ответил Пьер. Расстрелять невинного человека сейчас было не трудно, и сделать это можно было просто безнаказанно. У многих по поводу таких расправ даже не возникало никаких

вопросов.

— Я офицер штаба генерала Миахи, — отозвался и до сих пор молчавший офицер.

— Документы покажи, — попросил доброволец.

— Зачем они тебе? Ты думаешь, шпионы Франко разъезжают без документов? — почувствовал неладное Пьер.

— Странно, — засомневался в услышанной от Пьера информации незнакомец, прочитав документ офицера.

— А у тебя что? — обратился он к Сомову. Колька поднялся на ноги и повернулся к бдительному добровольцу.

— Я представитель советского посольства, — полез лейтенант во внутренний карман пиджака.

— Николас? — удивленно произнес мужчина. Рука переводчика застыла на месте, не достигнув кармана.

— Диего? — узнал лейтенант своего знакомого по штурму Вальдеморо. Альварес сделал несколько шагов в сторону Сомова и обнял того за плечи.

— Это никакой не шпион. Мы вместе дрались в Вальдеморо. Это геройский парень, — повернулся Альварес лицом к своим товарищам, которые прекратили передвижение, остановившись у машины.

— Он поднял нас в атаку и пошел впереди всех, без оружия, только с флагом Испании. На таких парней надо равняться. Где ты пропал в городке? — радостно похлопывал его по плечу Диего.

— Раненного танкиста отвозил в военный госпиталь, —

кивнул переводчик на трофейный Фиат. И тут добровольца осенило.

— Точно! А я думаю, откуда мне знаком этот автомобиль. Он стоял тогда у городской ратуши. Мы завязали бой, а когда выбили из здания марокканцев, его уже не было, — поминал Диего события минувших дней.

— Это я его угнал. На площади подбили советский танк, и мне пришлось спасти танкистов на этом Фиате, — подсказал Николай продолжение истории.

— А здесь ты, какими судьбами? — интересовался товарищ.

— Выполняем приказ командующего. Слышал, что правительство покинуло Мадрид и оставило вместо себя генерала Миаха с полномочиями организовать Хунту по обороне Мадрида? Теперь все властные полномочия перешли в руки Хунты. Мы здесь, чтобы наладить взаимосвязь между штабом и отрядами обороны. У тебя, что за отряд? — сразу же задал уточняющий вопрос Сомов.

— Отряд рабочей партии марксистского объединения. Теперь командиром выбрали меня. Предыдущего убили в бою, — сообщил Диего.

— Ребята, я рад, что вы знакомы, но хочу напомнить, что машина нужна нам, — отозвался Пьер.

— Прошу прощения, что произошла маленькая наклад-ка. Не разобрались немного, — извинился мужчина в пилотке, направляясь к машине. Диего кивнул головой в сторону

его дружков. Бойцы из отряда Альвареса моментально взяли парней на мушку.

— Эй, вы чего? Мы же союзники. Мы из отряда Хавьера,
— заволновался Пьер.

— Достали меня уже эти анархисты, — выругался Диего.

— Разоружите этих умников и гоните отсюда пинками под зад, — отдал приказ командир. Марксисты забрали у товарищей Пьера оружие.

Парни, почувствовав, что им тут не рады поспешили ретироваться, пригрозив рабочим расправой со стороны пресловутого Хавьера.

— И большой отряд у этого Хавьера? — переживал за знакомого Сомов.

— Человек двадцать от силы. Прока от них никакого, только гонор, — дал Альварес характеристику анархистам.

— А вы куда следуете? — поинтересовался Николай.

— Займем позиции в военном госпитале.

— Здесь держат оборону отряды под командованием Си-приано Мера, — оживился офицер штаба. — Я говорил с ним. Вам следует поддерживать с ним связь, — сделал он наставления Альваресу.

— Мы и так согласуем с ним наши действия, — подтвердил Диего.

— Вот и отлично. Штаб должен координировать все передвижения добровольцев. Через Мера, мы будем держать связь и с вами. Сколько у вас людей? — по-деловому заго-

ворил офицер.

— Все, что остались, — показал Альварес рукой на своих подчиненных.

— Не густо, — огорчился штабной.

— Мне слышалось или нет? Ты сказал, что ты из посольства Советского Союза? — задал вопрос Диего.

— Все правильно, я русский, — признался Сомов.

— Тогда вот в чем дело. Много слышал о русских. Разные люди говорили. Называли вас бесстрашными, но я особо не верил. Все мы чего-то боимся, особенно смерти. Сейчас поверил молве, когда вспомнил, как ты пошел в атаку с одним флагом, — уважительно похлопал испанец знакомого по плечу.

— Это я действительно от страха. Винтовки не было, и схватил флаг. Поджилки тряслись тебе не передать, — улыбнулся Сомов.

— А ты я смотрю еще и с чувством юмора, — засмеялся Альварес. — Не буду больше задерживать. Может, еще когда-нибудь увидимся, амиго!

— Успехов в бою и оставайся живой, камада, — в свою очередь сделал и Колька свое пожелание. Отряд проследовал к госпиталю, а Фиат покатыл по направлению из рабочего предместья.

— Ты действительно воевал в Вальдеморо? — отойдя от шока, спросил офицер.

— Так получилось. Задача стояла совсем другая, — не от-

рицал произошедшего события в своей жизни русский специалист.

— И с флагом он ничего не придумал?

— Схватил все, что было под рукой. Когда попалась винтовка, то поменял флаг на оружие. Я не безрассудный герой. Просто обстоятельства так сложились, — не бахвалился своими подвигами Сомов.

— Все равно, я тебе обязан жизнью.

— Это не ты мне, а мы с тобой обязаны Альваресу, — ответил Николай.

— Если бы вы не были знакомы, то лежать нам в придорожной канаве, — вздохнул собеседник.

— Лучше скажи, что это у него за партия такая? В Испании их столько, что голову сломишь, — усмехнулся Коля.

— ROUM это левая марксистская партия антисталинского толка, — услышал он для себя неожиданную новость.

— Что? Антисталинская? Ничего себе. Кого тут только нет, — удивлялся парень.

— Ты с ними осторожней. В Советской миссии такой дружбы не оценят, — предупредил испанец.

— Откуда же я это знал? Ребята боевые, ничего не скажешь, — ничего плохого о друзьях Диего он сказать не мог. В городе движение стало оживлённое. На улицах в длинных очередях у магазинов стояли испанские женщины. Колька на какое-то мгновение задержал взгляд на этом новом для Испании явлении. Его собеседник заметил интерес водителя.

— В городе плохо с продуктами. Еды не хватает, — озвучил мужчина причины появления очередей. — Люди многого себе не могут позволить.

В ключе такого высказывания Николай подумал о своем визите к Исабель. Вначале он видел себя страстным мачо с пышным букетом цветов в руках. Это классический вариант. Вот только цветов в городе вечером не купишь. Они конечно были, но зачастую использовались для почтения памяти погибших товарищей. О свадьбах он не слышал, отмечать дни рождения слишком дорого, а пригласить кого-нибудь в гости накладно. Если Исабель согласилась на свидание, то не будут же они бродить по городу, прислушиваясь к звукам воздушной тревоги? Приятней было посидеть за столом с бокалом вина в руке. Если вино, то и закуска. Неприлично явиться к девушке с пустыми руками. Даже букет цветов не сгладить этот просчет. Где же можно разжиться продуктами? Магазин с такими очередями, явно отпадал. А вот если уговорить повара в «Гейлорде», то можно было бы приобрести у него что-нибудь из продуктов. Колька снова стал строить планы на вечер, еще толком не зная, что ждет его впереди. В военном ведомстве было какое-то столпотворение. Люди приходили и уходили. Разговоры, обсуждения и снова разговоры. Для переводчика это большое напряжение. От такого общения организм изматывается не меньше, чем от физической нагрузки. Когда за окнами потемнело, людей уменьшилось. Миаха уехал домой и в штабе накал страстей пошел на убыль.

— Владимир Ефимович может, вернемся в отель? Вам отдохнуть надо. День такой напряженный был, — уговаривал Сомов своего начальника вернуться в «Гейлорд».

Тому постоянно что-то было надо, то позвонить, то записать. Возможно так бы и тянулось дальше, если бы Горев не догадался, что все старания переводчика были направлены не для того, чтобы сам Горев смог отдохнуть, а для того, чтобы Николай сумел вернуться в отель. Причин могло быть несколько, но самая важная, по мнению Санчо, могла быть только связанная с женщиной. Кого там себе присмотрел Николас неизвестно, и лезть с расспросами комбриг не захотел. Дело молодое, сам разберется. Пришлось отложить дела государственной важности и согласиться со своим переводчиком, тем более что отдохнуть ему действительно надо.

В ресторане отеля сидели поздние посетители, которые по ряду причин смогли приехать в «Гейлорд» только к исходу дня. Среди таких людей оказался Кольцов с Марией Остен. Парочка, уединившись за дальним столиком, обсуждала события дня, завершая трапезу. Внимание мужчины и женщины привлек громкий разговор повара и нового переводчика советской миссии Сомова. Парень о чем-то жарко просил сотрудника ресторана, а тот не соглашался на его просьбы.

— Что-то у нашего Николаса не получается, — отложила Остин в сторону столовые приборы, и промокнула салфеткой губы. — Хороший парень. Надо ему помочь.

— Конечно, — согласился со спутницей Михаил Ефимо-

вич. Мария встала из-за столика и приблизилась к мужчинам.

— Что ты тут устроил за митинг? — с насмешливой ноткой в голосе поинтересовалась немка.

— Извините Мария. Я вас не заметил, — засмутился парень.

— Вы сегодня поздно вернулись, — заметила женщина

— Сегодня у всех было много работы, — согласился лейтенант.

— И чего же ты хочешь от шефа?

— Понимаете..., — опустил он голову. — Сейчас в городе очень плохо с продуктами и явиться в гости с пустыми руками было бы крайне неприлично. Магазины уже закрыты и вариантов очень мало, — напустил тумана переводчик.

Из этих сбивчивых слов Остин поняла одно, у парня свидание и на встречу с девушкой он хочет явиться с продуктовым набором. Не совсем романтично, но зато практично.

— Что не получается? — более конкретно спросила она. Переводчик мял в своих руках несколько денежных купюр.

— Не могу договориться с шефом, — честно признался Сомов. На этот раз Мария не прибегала к помощи переводчика. Она заговорила на немецком языке и, судя по всему, повар ее прекрасно понял. Для подтверждения своих слов женщина достала из сумочки несколько банкнот испанской валюты номиналом побольше, чем предлагал сотруднику гостиницы сам Николай. Повар кивнул головой, забирая день-

ги, и ушел в помещение кухни.

— Как только я получу зарплату, то сразу отдам, — застеснялся от такого жеста антифашистки молодой лейтенант.

— Для девушки стараешься? Она из наших? — позволила себе Мария, задать вопрос.

— Местная, — ничего не стал отрицать переводчик.

— Красивая?

— Очень.

— Будь осторожен. Сам знаешь, как в городе не спокойно. А за деньги забудь. Мы должны помогать друг другу.

— Спасибо вам Мария. Вы очень добры ко мне, — не знал, как отблагодарить знакомую лейтенант.

Колька посматривал на наручные часы, гоня свой Фиат по полупустым улицам Мадрида. Согласится ли встретиться с ним Исабель или отправит назад? Он внимательно присматривался к зданиям, боясь пропустить нужный ему дом. Наконец увидев необходимый ему номер он свернул в проулок и припарковал авто у тротуара. По ступенькам лестницы поднимался наощупь. Света в подъезде не было, а ближайшее окно, выходящее на лестничную площадку, было на втором этаже. Остановился у порога и нажал кнопку звонка. Тишина. Звонок не работал. Постучал в двери. Сначала робко, а затем более настойчиво.

— Кто там? — слышался из-за двери испуганный голосок.

— Это я, Николас.

Непродолжительная тишина, а затем щелкнул входной замок и створка двери приоткрылась. Перед ним стояла Исабель в ярком цветастом платье, которое плотно облегалo ее стройную фигурку, подчеркивая женские прелести.

— Уже очень поздно. Я вас ждала раньше, — расстроенным голосом возвестила испанка.

— Война. Раньше ни как не получалось, — переминался с ноги на ногу гость.

— Что соседи скажут? — переживала медсестра о своем имидже.

— Если вы впустите меня внутрь, то они и знать не будут, что к вам кто-то приходил, — не хотел уходить лейтенант. Испанка посмотрела ему в глаза, а потом перевела взгляд на пакет, который парень держал в руках.

— Проходите, — освободила она ему проход. Колька прощмыгнул в квартиру, снял ботинки и двинулся на свет лампы, что горела в большой комнате. Исабель последовала за ним, держа в руках тапочки для ночного визитера. Он хозяйски развернул на столе свой сверток с продуктами. У Исабель от такого изобилия загорелись глаза.

— Вы еще не ужинали? Я как вернулся из штаба, так ничего не ел. Может, отужинаем вместе? — предложил парень.

Хозяйка засуетилась, делая нарезку из принесенных переводчиком припасов и раскладывая ее в тарелки. Колька смотрел, как она своими тонкими ручками режет хлеб и ему хотелось посадить девушку себе на колени и крепко прижать

к себе. Повар оказался понимающим мужчиной и завернул для переводчика даже бутылочку вина, которое было очень кстати. Исабель ела Колькины угощения, смакуя каждый кусочек. В столице последнее время, было очень тяжело достать продуктов, и цена на них была значительной. А здесь такое изобилие! Красота девушки, ее близость и сама обстановка затмевали разум парня. Медсестра о чем-то его спрашивала, а он, пребывая в каком-то дурмане, порой даже отвечал невпопад. Исабель, чтобы вывести гостя из такого состояния завела патефон и предложила немного потанцевать. Музыка наполняла комнату, он прижимал к себе хрупкую фигурку медсестры, и они кружили по залу, забыв, что такое война. Пластинка закончилась, а Николай ни как не мог отпустить от себя Исабель. Пальцы их рук переплелись, а взгляды были устремлены друг на друга. Чтобы начать целовать эти розовые губки не хватало какого-то толчка. На улице слышались выстрелы. Испанка испуганно дернулась и отпрянула от парня. Она потушила свет и приоткрыла темную портьеру, чтобы посмотреть, что происходило за стенами дома. Николай встал у нее за спиной и обнял за плечи.

— Стреляют. Мне так страшно. И так каждую ночь. Как же вы будете возвращаться? — переживала хозяйка.

— Не знаю, — без всякой определенности в голосе ответил гость.

— А может, переночуете у меня? — робко поинтересовалась девушка. Этого парень и желал всей своей душой, толь-

ко не знал, как об этом сказать. А здесь она сама предложила! Сердечко учащенно забилося. Он развернул испанку к себе лицом и наконец-то позволил себе вкусить всю сладость девичьих алых губок. Он целовал ее страстно и в тоже время нежно, боясь напугать каким-либо грубым движением. Исабель ответила ему взаимностью и такие ответные чувства дали ему право подхватить медсестру на руки и понести в спальню. Она даже не сопротивлялась. Парень продолжал осыпать Исабель поцелуями, касаясь губами тех мест, которые скрывало цветастое платице. Улетел на пол пиджак и брюки, а сверху легло и платье хозяйки. Николай, словно путник, проделавший огромный путь под знойным солнцем, вдруг приник к роднику с кристально чистой водой и не мог напиться этой живительной влаги. Он ласкал тело девушки, заставляя ее издавать приглушенные стоны, которые еще больше возбуждали переводчика. Теперь уже и его тело дрожало от желания овладеть этим милым созданием. Ни какие выстрелы на улице уже не могли остановить движение тел устремившихся навстречу друг другу. Волны блаженства накатывали одно за другим, периодически ослабевая, давая передышку молодым людям, чтобы затем снова с головой погрузить влюбленных в райские наслаждения. Они уснули под самое утро, чтобы с первыми лучами солнца встретить вместе новый день.

— Николас, тебе пора идти, — прошептала Исабель и провела своими пальчиками по его лицу. Он дотронулся до

них губами и, приподнявшись на локте навис над испанкой.

— Исабель, я тебя люблю, — произнес лейтенант.

— Не надо Николас. Мы оба знаем, что не сможем быть вместе, — улыбнулась ему медсестра.

— Хочешь, я заберу тебя с собой в Россию?

— Не ты решаешь, кому можно уезжать к вам, — напомнила ему хозяйка прописную истину.

— Здесь моя Родина. Если хочешь быть со мной, оставайся, — предложила она. Лейтенант только тяжело вздохнул.

— Сама знаешь, что не могу, — с неподдельной горечью в голосе ответил переводчик.

— Тогда оставим все как есть, — не требовала испанка от Сомова чего-то сверхъестественного.

— Я обязательно к тебе еще вернусь, — поцеловал ее в губы Николай.

— Я буду ждать. Теперь мы работаем в приюте Святой Елизаветы, — напомнила она их новый адрес. Лейтенант оделся и со щемящей грудь грустью покинул квартиру возлюбленной. Каково же было его удивление, когда в проулке он не обнаружил свой Фиат. Его просто нигде не было.

— Черт! Угнали, сволочи! — выругался переводчик.

Как же он теперь вовремя успеет в штаб? А тут еще с новой силой стала доноситься оружейная канонада. Не иначе националисты предприняли очередную попытку наступления. Где пешком, а где и на общественном транспорте, который в городе ходил из рук вон плохо, но Сомов все-та-

ки сумел добраться до военного министерства. Штаб Хунты был похож на растревоженный улей. Сюда, то и дело подъезжали машины и мотоциклы с ординарцами, доставляющими различные приказы и распоряжения. Подъехало два грузовика с ящиками с оружием. Что? Куда? Хаос и неразбериха. В штабе тоже стояла толкотня. И что со всеми случилось? — не понимал Николай. Коля осторожно открыл дверь начальника штаба Хунты полковника Рохо. Здесь у стола с разложенной на нем картой Мадрида собрались генерал Миаха, Висенте Рохо, несколько незнакомых Сомову испанских офицеров и наши советники Горев и Малиновский. Николая хотел выдворить из комнаты адъютант генерала, но заметив одобрительный взмах руки товарища Санчо, оставил его в покое. Лейтенант приблизился к столу. В это время речь держал начальник штаба, а знакомая Николая переводчица Галя озвучивала все, о чем тот говорил. Если Владимир Ефимович вызвал на совещание Галину, то для Сомова дело может принять нежелательный оборот. Послушав выступление Висенте Рохо парень понял, что франкисты начали наступление в направлении Каса-дель-Кампо и на Западный парк. По встревоженным лицам без труда можно догадаться, что это продвижение идет достаточно успешно. Горев приметил появление переводчика, но сумел подойти к лейтенанту только после того, как завершил свой доклад Рохо, и началось обсуждение дальнейших военных планов.

— Ты где был? — отвел его в уголок комбриг.

— Виноват товарищ Санчо, — опустил голову парень.

— Я не спрашиваю, виноват или нет. Я спрашиваю, где ты был? В гостинице не ночевал. Автомобиль исчез.

— Я у девушки задержался, а автомобиль угнали, вот и добирался так долго, — попытался оправдаться лейтенант.

— Тебя Родина прислала сюда романы крутить? — повысил голос Владимир Ефимович. — Ладно бы с соотечественницей, я бы все понял, но зачем с испанкой? Кто она такая? Может быть тебя пытаются завербовать?

— Никто меня не вербовал, — огрызнулся Коля.

— Откуда ты знаешь? Я сам занимался вербовкой и прекрасно знаю, как это делается. Кто она такая? Где познакомились? — повысил голос на переводчика комбриг.

— В госпитале в Карабанчеле. Я сам с ней познакомился. Ни какая она не шпионка.

— Если и так, то зачем девушке мозги пудришь? Закрутишь роман, а потом бросишь? Или думаешь, партия разрешит всем из Испании везти своих возлюбленных в Союз? — воспитывал лейтенанта комбриг. — Расслабился в штабе и забыл что такое дисциплина? Плюс потерял вверенную тебе технику.

— Так я же ее сам в бою отбил, — попытался возмутиться Сомов такой постановкой вопроса.

— И что теперь? Трофейный авто стал твоим личным транспортом? Замашки у тебя Сомов махновские. Вижу, что в штабе ты засиделся. В строевую часть тебя отправлять на-

до. У меня и девушки поработают, целее будут, — недовольно высказывался Владимир Ефимович.

— Я сразу и просился в строевую.

— Вот туда и пойдешь. Узнаю, где больше всех нужен переводчик, туда и направлю, — не церемонился Санчо с подчиненным. С местом нового назначения Горев определился уже после обеда. За Сомовым пришел Леонардо Мендес. Одет в форму испанского офицера, единственное, что его отличало от военного, так это отсутствие знаков отличия.

— Идем, — без всяких церемоний приказал человек, представлявший в Испании службу НКВД. Во дворе их ждал автомобиль. Возле грузовиков с оружием собралась толпа горожан. Солдаты республиканской армии вооружали рабочее ополчение. Леонардо заметил, что Сомов проявил интерес к этому мероприятию и на ходу кое-что пояснил: «Коммунисты мобилизовали членов партии и им сочувствующих на защиту города. Все ограничения правительства Ларго на количество добровольцев сняты. Положение очень тяжелое. В течение нескольких дней будет решаться судьба Мадрида». Николай помнил, как обращался с пламенной генерал Миаха к членам новой Хунты. Теперь видно, что коммунисты откликнулись на его призыв. Спасет ли это столицу? В машине сидел еще один человек и судя по всему испанец.

— Куда мы едем? — ненавязчиво поинтересовался лейтенант. Мендес с переднего сидения повернулся в его сторону и окинул строгим взглядом, мол, к чему эти вопросы?

Но, тем не менее, ответил: « Направляемся в тюрьму Модело. Необходимо будет перевезти в безопасное место находящихся там заключенных».

Испанские тюрьмы, наверное, ничем не отличались от всех остальных тюрем. Серые, унылые здания с решетками на окнах, высокий забор и запах страха вперемешку с отчаянием. Возле тюрьмы их ждал двухэтажный автобус и вооруженные ополченцы. Заминка произошла на КПП через которое их не хотели пропускать. Испанец, который приехал вместе с ними поднял невероятный шум, тыча в лицо начальника караула свои документы. После непродолжительной перепалки их всех пропустили на территорию учреждения. Пройгнорировав секретаршу в приемной, они буквально ворвались в кабинет директора тюрьмы.

— Уполномоченный представитель Хунты Мадрида Хосе Касорла Мауре, — предъявил испанец свои документы. Следующим был Мендес. Здесь пришлось вступать в игру и Сомову.

— Советник правительства по вопросам безопасности Леонардо Мендес.

По наличию переводчика тюремный начальник понял, с кем имеет дело.

— Мельчор Родригес — представился хозяин кабинета.
— Слушаю вас.

— В связи с осложнившейся ситуацией на фронте и возникшей угрозой прорыва националистов в столицу, принято

решение о переводе заключенных на новое безопасное место, — заявил представитель НКВД.

— Это, какое же? — хотел знать Родригес.

— В район поселка Паракуэльос, — вставил свое слово Касорла Мауре.

— Что-то я не слышал, чтобы в поселке имелись подходящие здания. Где вы их там разместите? В каких-нибудь бараках? Кто их будет охранять? Здесь тюрьма и для содержания осужденных все предусмотрено. Они здесь находятся в изоляции, под моей охраной. Я отвечаю за вверенное мне учреждение и не собираюсь никого ни куда отдавать. Таких распоряжений от министра юстиции я не получал, — отказался выполнять распоряжение Хунты Мельчор.

— Осужденные будут находиться под охраной рабочих отрядов. Будьте спокойны, из рабочего поселка контрреволюционерам сбежать будет труднее, чем из вашей тюрьмы, — заверил его Хосе Касорла.

— Мне нужен приказ министра юстиции, — настаивал Родригес.

— Зачем здесь по — вашему нахожусь я? Вам устное распоряжение Анхеля Галарса Гаго не указ? — возмутился специалист из НКВД.

— Почему он сам мне не позвонил? — не хотел уступать Мельчор.

— Так позвоните вы ему, — повысил голос Мендес.

— Каким образом? Правительство перебралось в Вален-

сию, — расстроенным голосом произнес начальник тюрьмы.

— Родригес, всеми вопросами, касающимися жизнедеятельности и обороны города, теперь занимается Мадридская военная хунта (JDM) основанная по личному распоряжению Ларго Кабальеро. Сейчас только она вправе решать, что и как будет происходить в столице. Если вы отказываетесь подчиниться приказам Сантьяго Каррильо, отвечающего за общественную безопасность Мадрида, то вы можете и сами оказаться в роли арестанта, — пригрозил начальнику тюрьмы Карлоса. Угроза возымела свое действие.

— Нам нужны дела заключенных. Мы сами выберем, кого в первую очередь необходимо отправить в Паракуэльос, а кого оставить здесь. Распорядитесь, чтобы нам выделили отдельную комнату, — по-хозяйски распоряжался Мауре. Хозяин учреждения только услужливо кивал головой. Комнату им выделили невзрачную. Из мебели длинный стол и несколько стульев. Окно с решетками из стальной арматуры, выходило во внутренний двор тюрьмы. Несколько сотрудников принесли стопки уголовных дел. Карлоса подвинул к себе одну из стопок, а вторую оставил Мендесу. Леонардо кивнул Сомову на стул.

— Зачитывай мне дела, а я буду решать, кого куда отправлять.

Николай взял первую папочку.

— Пио Лорес Позас, — зачитал он имя осужденного. Пробежав по следующим строчкам дела добавил: « Генерал».

Мендес забрал у него дело и отложил в сторонку.

— Хосе Родригес Касадемунт, — продолжил Николай.

— Тоже военный. Надо читать, в чем обвиняется?

— Не надо. С этим все тоже понятно, — отправилось дело на формирование новой стопки. Мауре молча перебирал свои дела.

— Следующий, — торопил лейтенанта сотрудник органов.

— Сантьяго Мартин Багенас. Бывший шеф полиции Мадрида, — удивился переводчик. В этот раз Касорла промолчать не смог.

— Предатель. Сотрудничал с генералом Молой, — дополнил он информацию Коли.

Его дело ушло к остальным двум.

— Себастьян Эстебан, вор — рецидивист, — продолжал Николай.

— Не интересен, — буркнул Леонардо, начав с этого человека формировать новую стопу дел. Дальше пошло в том же духе. Уголовные элементы меньше всего интересовали сотрудника НКВД. В основном он проявлял интерес к военным, чиновникам и интеллигенции. Когда количество пересмотренных дел перевалило за несколько десятков, Хосе Мауре приказал тюремным служащим грузить соответствующих людей в двухэтажный автобус, который прибыл вместе с ними.

— Можешь пока отдохнуть, — разрешили лейтенанту

сделать перерыв в работе.

Николай вышел в коридор и остановился у окна с открытой форточкой. Ему действительно не хватало свежего воздуха.

— Когда вы наконец-то примите у меня задержанных? Сколько я буду еще торчать в Модело? — слышались крики в коридоре, и появилось несколько человек, среди которых переводчик узнал девушку, которая арестовывала его возле Мадридского радио. Колька отвернулся к окну.

— У меня приказ отправить заключенных в Паракуэльос. Сначала их, а потом приму оставшихся у тебя, — отбивался от девицы тюремный офицер.

— Куда ты их собрался отправлять? В Паракуэльос? Так, там нет тюрьмы, — удивилась служащая СРП.

— Мое дело выполнить приказ, а куда их повезут не моего ума дело, — нашел, что ответить мужчина.

— Я тут с ночи торчу. У вас вечно какие-то неурядицы. Не можете принять? Я их брошу, и делайте с ними все, что захотите, — угрожала она лейтенанту.

— Да приму я их у тебя, приму. Сейчас еще подключу надзирателей, и оформим твоих контриков, — обещал дежурный по тюрьме, стараясь оторваться от преследования девицы.

— Я тебя предупредила. Долго ждать не собираюсь! — сыпала угрозами девушка. Вся взъерошенная от перепалки с тюремным персоналом она остановилась возле Сомова и

полезла в карман за сигаретой. Зажигалка как назло не срабатывала.

— Огонька не найдется? — обратилась испанка к переводчику. Сомов повернулся к ней лицом.

— Разрешите? — попросил он у дамы зажигалку. Одно движение и огонек слабо затрепетал на сквозняке. Бланка прикурила и забрала из рук Николая свою вещицу.

— Мексиканец? Вот бы где не ожидала тебя увидеть, так это здесь. Ты стал часто попадаться на моем пути. Не пора ли нам познакомиться поближе? — выпустила Бланка изо рта облачко дыма.

— Николас, — представился Сомов.

— Это я помню, — кивнула головой испанка. — Бланка Эстель, капрал СРПР, — протянула она руку. — Что здесь забыл сотрудник советского посольства?

— Я переводчик, — признался Сомов. — Здесь пересматриваю дела на отправку осужденных в Паракуэльос, — не стал Николай делать тайны из своего визита.

— Прямо ты и пересматриваешь? — в насмешливом тоне переспросила капрал.

— Как переводчик, — поправился парень. — Есть товарищи, и посерьезней, — намекнул он на своего нового начальника.

— Понятное дело, — усмехнулась она. — Раньше их возили в Каса-дель-Кампо, а теперь там идут бои и везут на кладбище Паракуэльос-де-Харама, — призналась она.

— Как на кладбище? — опешил лейтенант.

— А ты думал куда? В этом поселке нет ничего кроме кладбища.

— Ты хочешь сказать, что их всех..., — не договорил переводчик.

— А, что с контрой церемониться? — не вызывало у Бланки жалости такое положение дел.

— А как же суд? — не понимал Николай.

— Когда их будут судить, если марокканцы уже в городе? Ты, что не слышишь канонады? Завтра они могут быть в этой тюрьме, и поверь мне большая часть заключенных, сразу же переметнется на сторону Франко, — была реалистом Эстель.

Только теперь Коля вспомнил разговор Кольцова с лидером коммунистов. Он ведь открыто призывал Мадридскую военную хунту расправиться с контрреволюционерами, содержащимися в тюрьмах столицы. Получалось, что здесь они как раз для того, чтобы выполнить пожелания товарища Мигеля Мартинеса.

— Получается, что дорога в Паракуэльос это дорога в один конец?

— Смышленный парень, — хихикнула собеседница. От такой похвалы ему стало не по себе. Он, конечно, понимал, что с врагами надо бороться, но в армии это делали в открытом бою, а здесь он больше смахивал на палача, чем на воина.

— Я всего лишь переводчик, — попытался лейтенант снять с себя ответственность за возможные убийства.

— Я тебя ни в чем и не обвиняю, — похлопала девушка по плечу Николая.

— Извини, мне надо работать, — не захотел Колька продолжать разговор. После перерыва работа продолжилась в том же ключе. Вот только теперь все чаще стали попадаться люди не связанные с военными или чиновниками.

— Педро Муньос, писатель, — переводил дальше Сомов. Папочка полетела к расстрельным делам.

— Мануэль Сигель Апарисио, — продолжал Сомов зачитывать фамилии деятелей культуры. Они все однозначно отправлялись Мендесом к группе людей приговоренных к смерти. Под репрессии, косвенно инициированные Кольцовым, попадала интеллигенция. Сомов и сам был выходцем из подобной семьи, и такое отношение к образованным людям вызывала у него негативные эмоции. Как можно было приговаривать людей к смерти, даже не разобравшись виноваты ли они? Автобус успел сделать два рейса, а они все еще копались в делах.

— Надо покурить, — собрался специалист из органов на очередной перекур. Касорла последовал в коридор следом за Леонардо. Сомов замешкался в кабинете. У него созрел один маленький план по спасению хотя бы нескольких невиновных человек. Удостоверившись, что его никто не видит, он перебросил два дела на писателей из одной стопки в другую и последовал в коридор за своим куратором. Возвратившись к работе, опять потянулся к новым делам. Мендес сидевший

на стуле и отрешенно слушавший переводчика, неожиданно сменил позу и внимательно стал присматриваться к стопке уголовных дел.

— Когда мы уходили, их было двадцать, а сейчас восемнадцать, — заявил служащий органов и еще раз пересчитал папки. — Восемнадцать, — был его окончательный вердикт.

— Может вы ошиблись? — покраснел Сомов.

— Я никогда не ошибаюсь.

Леонардо взял стопку с уголовными делами и стал ее перебирать. Зрительная память у сотрудника органов безопасности была отменной и поэтому на стол легли две папки с фамилиями Муньос и Апарисио.

— Что это? — подошел Мендес к Николаю. — Можешь мне ответить, как они попали не в ту стопку?

— Может, случайно, — пожал плечами лейтенант.

— Случайно? Это случайно произошло после того, как мы с испанцем вышли из кабинета. Что это значит? Ты пытаешься спасти контрреволюционеров? — придвинулся к парню вплотную чекист. Отпираться было бесполезно.

— Их вина еще не доказана, — попытался хоть как-то оправдаться Сомов.

— Кому не доказана, тебе? Мне все предельно ясно. Или тебе стало жаль этих писак? В интеллигентов играешь? Знаю я, кто твои родители. Нашел родственные души? А может, ты с ними заодно? Кто тебе дал такое задание? — начал орать на парня Леонардо. Хосе с удивлением смотрел на русских.

— Мне уже доложили о твоих связях с РОУМ, — открыл он оперативную тайну. Когда этот Мендес успевал работать советником у испанцев еще и присматривать за советскими специалистами? Офицер, который ездил с ним в Карабанчель возможно проговорился обо всех их приключениях. Этот Мендес на всех собирает досье или только на него?

— Никто мне никакого задания не давал, и с ПОУМ я не связан, — заявил Сомов.

— Это тебе еще доказать придется. Думаешь, как крутишься среди командования, так не кому тебя на землю опустить? То на машине приехал неизвестно откуда, то документи подсунул командованию липовые. Тебя выходит, завербовали? — развивал он теорию заговора.

— Никто меня не вербовал, — начинало мелко трусить Сомова.

— Разберемся, — обещал чекист. Это «разберемся» закончилось для Николая весьма пагубно. По возвращению в штаб его определили в подвальное помещение в качестве задержанного. Ночь он кое-как проспал на полу в каком-то подсобном помещении, а утром повели на допрос к Мендесу. Пока не били, но попросили дать письменные показания по его боевой деятельности в Вальдеморо и связях с командиром ПОУМ Альваресом. Теперь уже Колька клял самого себя, что решил помочь двум представителям испанской интеллигенции. И им не помог и сам оказался в роли подозреваемого. К тому же чекист ненавязчиво предложил работать

на него. Переводчик вращается среди людей различного ранга, и иметь о чиновниках и советниках дополнительную информацию Леонардо не отказался бы. Стучать на своих Сомов не хотел. Мендес пока оказывал только психологическое давление, избегая физического воздействия. Самое обидное было то, что о Николае все забыли, будто — бы его и вовсе не существовало. Но это было не совсем так. Вечером повернулся в дверях ключ и в его подсобное помещение вошел Горев.

— Владимир Ефимович, — поднялся с пола лейтенант.

— Николай, что случилось? Куда ты опять влез? Тебе мало твоих амурных походов? Кого ты там спасать собрался? — налетел на него комбриг.

— Владимир Ефимович, ну нельзя же людей расстреливать без суда и следствия? В Модело сидит очень много интеллигентных людей. Можно сказать, цвет нации, а их в автобусы и на кладбище, — высказал свое возмущение переводчик.

— Кто тебе сказал, что на кладбище? Их просто перевозят на новое место, — не стал Санчо показывать своей осведомленности.

— В Паракуэльос-де-Харама нет ничего кроме кладбища. Куда их можно перевозить? — настаивал на своем лейтенант.

— Ты действительно слишком осведомленный. Откуда про кладбище знаешь?

— Знакомая сказала, — признался Сомов.

— Это та, к которой ты ночью сбегал? Осведомленные у тебя знакомые, — недовольно покачал головой военный атташе.

— Моя девушка здесь ни при чем. Что кроме нее у меня не могут быть знакомые?

— Твоя девушка, новые знакомые. А этот из ПОУМ, тоже твой знакомый? — недовольно бурчал Горев.

— Где ты их находишь?

— Я с ним в Вальдеморо во время штурма познакомился. А на штурм я пошел, потому-что вы меня бросили, — упрекнул Коля своего руководителя.

— Тебя никто не бросал. Сагитировал людей и отошел в сторонку, — учил парня, как надо жить Владимир Ефимович.

— А вы бы так смогли? Я не смог, — возмущался переводчик.

— Этого не смог, а за испанской юбкой увязаться смог? — укорил собеседника взрослый мужчина. — Самовольно оставил отель, потерял машину, в штаб опоздал, а тут еще и интеллигентов пожалел. Эти интеллигенты, дай им власть, тебя жалеть не станут. На то она и революция. Классовая борьба! Священнослужители и эта так называемая богема, никогда не понимали чаяний трудового народа и только развращали идею пролетарской революции, — как можно громче сказал Горев повернувшись лицом к входной двери.

— Что теперь с Исабель будет? — поинтересовался лейтенант.

— Это твоя зазноба? А что с ней должно быть? Ты не враг, а просто человек, который немного запутался, — снова повернулся Ефимович в нужную сторону.

— Мы как старшие товарищи указали тебе на недостатки и направили в нужное русло. Ты ведь раскаиваешься в содеянном? — Ефимович кивнул головой в сторону двери, подразумевая, что за ней мог находиться сотрудник государственной безопасности.

— Конечно, раскаиваюсь.

— Значит, делай выводы. Я тут тебе новое место службы определил. Завтра явишься в штаб, и я тебе определю назначение, — громко говорил Ефимович.

— Только не сюда, пожалуйста, — совсем тихо попросил Сомов.

— В действующие войска пойдешь. Там очень не хватает переводчиков, — снова повысил голос военный атташе.

— Ну, все. Завтра жду у себя, хватит тут расслаиваться, — попрощался с лейтенантом комбриг. Визит Горева вселил Сомову надежду, что все обойдется. По сути, он особо ни в чем и не был виноват. Подумаешь, два дела переложил. Хотя умельцы из НКВД могли и из мухи сделать слона. С этой организацией лучше не связываться. С утра канонада только усилилась. Николая снова вызвали на допрос к Мендосу. Колю усадили за стол и дали лист бумаги.

— Пиши, — приказал чекист, расхаживая у Сомова за спиной и тревожно поглядывая в полукруглое окно расположенное почти под самым потолком.

— Что писать? — не понял парень.

— Расписку. Я Сомов Николай Ильич по собственной воле готов на сотрудничество с органами государственной безопасности, — начал диктовать нужный текст Леонардо.

— Но, я и так с вами сотрудничаю. Зачем что-то писать? — отложил Сомов в сторону перо.

— Так полагается. Будешь мне отчеты писать кто, где и что говорил. Понятно?

— Я не готов. У меня другая профессия, — артачился парень. И тут он отхватил оплеуху по шее.

— Что ты ломаешься, как девочка? Может, мне напомнить кто твой дружок? За связь с троцкистами по головке не погладят.

— Он мне не друг, я же вам объяснял, — потер ушибленное место Сомов.

— Тогда проверим твою Исабель. Какое у нее дно? Возможно, и она поддерживает подобные идеи?

— Девушка-то тут при чем? — заныл Николай.

— Все вы тут при чем. Удивляюсь, как это органы разрешили тебе представлять честь Советского государства в Испании? Это, учитывая, что ты, по сути, бывший дворянин, а дворяне наши классовые враги, — стоял у парня за спиной сотрудник НКВД. — Бери ручку и пиши, — настаивал

Мендес. Николай только потянулся за письменными принадлежностями, как во дворе военного министерства разорвался снаряд. Леонардо от испуга присел. На них посыпались разбитые стекла. Едва они отошли от первого прилета, как бабахнуло и во второй раз, и стала отчетливо слышна ружейно-пулеметная пальба.

— Сиди здесь. Пойду, посмотрю, что там, — сказал чекист, направляясь к двери.

— Товарищ Мендес, Владимир Ефимович приказал мне сегодня прибыть к нему, — напомнил переводчик приказ Горева относительно Николая.

— Я помню. Подождет. Нашел себе заступника? — ехидно поинтересовался Леонардо.

— Он не мой заступник, а наш начальник, и мы должны выполнять его требования, — в более категоричной форме заявил Колька.

— У меня свое начальство. Я еще с тобой не закончил.

Лейтенант услышал, как в дверном замке сделал несколько оборотов ключ. «Замкнул», — догадался парень. Стрельба стремительно приближалась. Не иначе франкисты прорвали оборону республиканцев и ворвались в центр города. Если они займут министерство, то возьмут Кольку тепленьким. Лейтенант подошел к двери и подергал ручку. Бесполезно. Постучал кулаком в дверное полотно и громко позвал на помощь. Реакции никакой, ведь он находился в подвальном помещении. Ждать Мендеса или мавров парень не

собирался. Лейтенант подтащил к окну стол и, водрузив на него табурет, дотянулся до рамы. Остальное дело техники. Выполз, словно уж во двор, и увидел, как выводят под руки генерала Миаху и усаживают в авто. Следом за генералом уехал автомобиль Мендеса и военного атташе. Бросили! — сплюнул под ноги переводчик. Мимо него пробежали солдаты. Николай направился следом за ними. Прижимаясь к стенам домов, они двигались в сторону реки. Когда пули выбили у них над головой крошки бетона из стены, парни юркнули в ближайший подъезд.

— Кто такой? — направили на него стволы испанцы.

— No pasaran! — крикнул Колька, и этот лозунг подействовал на военных как пароль, определяющий своих и чужих. Сейчас Николай был своим. Они побежали по лестнице, разбредаясь по квартирам на разных этажах. Сомов прибил к одной из групп. Республиканцы заняли позиции возле окон, выходящих на главную улицу. Стекла со звоном сыпались от попадания шальных пуль. По мостовой пробежала еще одна группа республиканцев, и парни из квартиры поддержал и ее передвижение огнем. Марокканцы тоже заняли парочку домов, и теперь противостояние сводилось к банальной перестрелке.

— Патроны заканчиваются, — начали жаловаться стрелки.

— Томас, бери с собой этого парня и бегом за патронами, — распорядился сержант, указав рукой в сторону Сомова.

— Пошли за мной, амиго, — дернул рядовой за рукав Николая. Они сбежали по ступеням на первый этаж и остановились в подъезде. Возле дома расположился расчет станкового пулемета. Та-та-та! — сыпались в сторону стреляные гильзы.

— Бежим! — крикнул Томас и проскочил мимо пулеметчиков. Фьють! — пролетели над головой пули. Они, пригибаясь, побежали вдоль улицы по направлению правительственного квартала. Вскоре натолкнулись на мертвую лошадь, запряженную в повозку. В повозке лежало несколько ящиков с боеприпасами. Навстречу им двигалось человек двадцать парней в военной форме и в касках.

— Ребята, помогите донести патроны, — обратился к ним Томас.

— Марокканцы далеко? — поинтересовались незнакомцы.

— Вы, что не слышите? Если не остановим, весь правительственный квартал займут. Бой идет у самого военного министерства. Давайте за мной, — скомандовал Томас и, показывая пример, взвалил себе на плечи ящик с патронами. Они добрались до пулеметного расчета, который прикрыв республиканцев, попытавшихся перейти в атаку. Николай с товарищем дальше своего дома не пошли, а стали заносить на второй этаж принесенные боеприпасы. Сержант радостно схватил горсть патронов, чтобы снарядить пустой магазин.

— Надо поддержать наших товарищей, которые пошли на

штурм дома. Амиго, стрелять умеешь? — обратился военный к Сомову. Колька сразу понял к чему тот клонит. Ребята оттащили от окна убитого солдата, и теперь в их распоряжении появилась свободная винтовка.

— Умею, — уверенно ответил лейтенант.

— Каску одень, чтобы осколками стекла не посекло, — предложил военный, кивая на валяющийся, на полу шлем. Вид у него в этой каске комедийный, даже Томас не удержался, чтобы не улыбнуться. Республиканцы попытались выбить из здания засевших там «регуларис». Под прикрытием станкового пулемета и винтовок из команды сержанта, они пошли в атаку. К дому пробиться не удалось и, оставив на мостовой убитых товарищей правительственные войска, откатились на исходный рубеж. В их комнату вошел доброволец с перепуганным выражением лица.

— Там пулеметчика убило, — сообщил мужчина.

— Томас, пойдй, разберись, — снова обратился к подчиненному сержант.

— Ну почему всегда Томас? — забубнил себе под нос рядовой. — Пошли, поможешь, — по старой памяти попросил боец о помощи Сомова. — Как тебя зовут? — спускаясь по ступеням, поинтересовался он.

— Николас, — представился переводчик. Пулеметчик лежал в луже крови, а его второй номер сидел под стеной, прижав рукой кровоточащую рану на плече.

— Надо менять позицию, — принял решение Николай.

— Чего делать-то? — не понимал Томас, что задумал его новый товарищ.

— Убирать пулемет. Понесли его на второй этаж, — пояснил Сомов. Они вдвоем подхватили станковый пулемет и затащили его в подъезд дома. Сержант не ожидал, что в его распоряжении окажется такое грозное оружие. Только вот пулеметчиков в его распоряжении не было.

— И что нам с ним делать? — немного расстроился сержант.

— Помогите установить, — попросил помощи лейтенант.

— Ты, что пулеметчик? — повеселел испанец.

— Нет, но могу разобраться.

— Томас, — повернулся сержант к рядовому.

— Опять я? — вздохнул военный. Пригибаясь, чтобы не стать мишенью парни установили на нужной высоте треногу станка.

— Патронов к нему маловато, — вздохнул товарищ Сомова, набивая боеприпасами металлическую планку.

— Я проверю наших на высших этажах, — сказал сержант, оставляя парней в комнате. — Смотрите за улицей, — дал он наставление подчиненным. Томас осторожно выглядывал из-за стенки на улицу, стараясь контролировать всякое движение. Спокойствие длилось недолго.

— Кажется, идут! — заволновался Томас. «Регуларис» двигались колоннами по обе стороны улицы.

Глава 7

Шестое ноября Бланка для себя назвала великим исходом. Улицы Мадрида были запружены людьми и транспортом. Бежали лавочники, чиновники государственных учреждений, министры и просто перепуганные войной люди. Хаос и неразбериха царили в столице. Она зашла в свое отделение СРП и первого кого она там увидела, был дежурный. Лицо перепуганное, и сам он пребывал в полной растерянности от всего увиденного.

— Привет! — поздоровалась Бланка.

— Лейтенант у себя? — хотела она узнать о присутствии начальства на работе.

— Нет, скорее всего, и не будет, — ответил мужчина.

— Заболел? Ранили? — перечислила она возможные уважительные причины.

— Уехал в Валенсию вместе со всеми, — доложил дежурный.

— Эвакуировался? А он-то тут при чем?

— Видать будут город сдавать, — предположил комитетчик.

— Крысы, — презрительно сморщила губы Эстель. — Кто теперь у нас за главного?

— Не знаю. Еще не все пришли, — пожал плечами мужчина.

— Если что, я у себя, — махнула рукой девушка. В кабинете уже сидели Кортес и Гарсия.

— Видела, что в городе творится? — вместо приветствия спросил их водитель Карлос Кортес.

— Видела, конечно.

— Сдадут Мадрид? — встревоженно поинтересовался Габриель Гарсия.

— У меня трое детей. Фашисты за службу в СРП по головке не погладят, — вздыхал Кортес.

— Тогда беги пока не поздно. Лейтенант сбежал, и ты беги, — жестко ответила Бланка.

— Зачем, ты так. Я не трус, просто детей жалко, — обиделся водитель.

— Если бы ты не пришел на работу, то я бы все поняла, а вот почему лейтенант удрал, не понимаю, — уже более миролюбиво ответила она.

— Что же с нами будет? — не мог успокоиться Гарсия.

— На баррикады пойдем и все как один умрем за свободу, — иронизировала Эстель.

— Все шутки шутишь? — насупился Габриэль.

— Ты думаешь, я не переживаю? Чего ты от меня хочешь? — злилась девушка.

— Что будем делать? — поинтересовался Карлос.

— Ждать. О нас обязательно вспомнят. Пока подгоню бумажную работу, — вздохнула капрал, доставая из ящика стола кипу документов.

— Кому теперь эти бумажки нужны? — горько усмехнулся Кортес.

— Что ты предлагаешь? Можете пойти покопаться в машине, почистите оружие, займитесь чем-нибудь, только не стоните, — попросила мужчин испанка. Бланка перекладывала бумажки, а сама думала совсем о другом. Что будет с Мадридом, если его захватят националисты? Как сложится ее судьба?

К обеду никакого начальство не появилось. Дежурный звонил в центральный офис комитета по общественным расследованиям, чтобы ему разъяснили обстановку, но и там пребывали в полном неведении. Когда она окончательно начала предаваться унынию, заполняя какие-то второстепенные формуляры, в коридоре послышалось какое-то движение. Дверь их кабинета рывком открыли, и Эстель увидела в дверном проеме молодого человека с густой пышной шевелюрой одетого в кожаную куртку. Он внимательно осмотрел помещение и двинулся по коридору, громко выкрикивая: «Где ваше начальство? Есть кто-нибудь из офицеров?»

— Что за фрукт? — кивнула Бланка головой в сторону двери, смотря на своих обескураженных товарищей. Те только пожимали плечами. Девушка встала из-за стола и вместе с сослуживцами вышла в коридор.

— Эй, товарищ, а вы собственно кто такой? — уперев руки в бока, задала вопрос Эстель незнакомцу, который в сопровождении дежурного продолжал осмотр участка. Муж-

чина остановился и еще раз окинул взглядом воинственную фигуру Эстель.

— Не великоват ли? — посмотрел он в сторону маузера болтавшегося у нее на боку.

— В самый раз. Я так и не услышала ответа?

— Эстель, это новый..., попытался что-то сказать дежурный, махая в ее сторону руками, чтобы она сменила тон.

— Не надо. Я представляюсь сам, — остановил его незнакомец. Он достал из внутреннего кармана куртки сложенный вчетверо листок бумаги и протянул его капралу. — Это хорошо, что у вас такие бдительные сотрудники, — похвалил он дежурного.

— Я, Хосе Касорла Мауре заместитель министра общественного порядка Мадрида.

— Ого! У нас новое правительство? — удивилась Бланка.

— По распоряжению премьер-министра Ларго Кабальеро образована хунта по обороне Мадрида во главе с генералом Миахе. Все государственные учреждения и структурные подразделения министерства внутренних дел переходят в подчинение новому органу. Непосредственно советником председателя хунты по вопросам общественной безопасности назначен Сантьяго Каррильо. Я являюсь его заместителем, — прояснил ситуацию Касорла. Бланка вернула хозяйину его документ.

— Постройте личный состав, я доведу до него новые положения, — потребовал от дежурного Мауре. Коридор стара-

ниями дежурного СРП быстро наполнился пришедшими на службу сотрудниками. Хосе Касорла довел личному составу последнюю политическую и военную обстановку в городе, и дал разъяснения по поводу полномочий сформированной хунты. Сотрудники загудели, обсуждая последние новости. И тут Габриель Гарсиа вылез с вопросом: « Так что нам делать-то? Кто командовать будет? Начальство-то наше сбежало».

— Ваша задача не допустить паники в городе. Всех паникеров и саботажников арестовывать. Комиссара я вам обязательно пришлю, а пока... — он осмотрел строй.

— Партийная? — поинтересовался Касорла у Бланки, ярко выделявшейся из всего коллектива, и не только наличием кобуры с маузером.

— Член партии объединенной социалистической молодежи JSU, — отрапортовала она.

— Отлично! — обрадовался Хосе. — До прибытия моего комиссара назначаю тебя главной в этом участке, — распорядился Мауре.

Все замерли от неожиданности. Были здесь парни и повыше в звании, но выбор пал именно на Бланку. Высказать свое недоверие по этому поводу желающих не нашлось. Комитетчики знали крутой нрав Эстель и лишний раз связываться не хотели. Да и сам Касорла сказал, что руководить она будет до прибытия нового командира, а значит совсем недолго. Саму Бланку такое временное назначение не испугало. Она

моментально вжилась в роль начальницы и быстро выдала парням задания. Участок вскоре опустел. Вечером девушка планировала масштабный рейд, понимая, что этот вакуум власти в столице подтолкнет контрреволюционные элементы на всевозможные провокации. Комиссар до вечера не прибыл, и Бланка организовала патрулирование улиц сама. Сотрудники комитета двигались большой группой, проверяя у подозрительных личностей документы. Впереди из подъезда вышло три человека и, заметив вооруженных людей, прибавили шаг.

— Остановитесь! — крикнула им вслед Эстель. Мужчины с шага перешли на бег, и свернули на перпендикулярную улицу.

— За ними! — приказала девушка. Они выбежали на перекресток. Беглецы быстро удалялись и скорее всего, собирались еще раз перескочить на новую улицу.

— Франк, бери пятерых, и дуйте прямо. Постарайся перехватить их через пару кварталов, — отдала она приказ сержанту следующему вместе с ними.

— Я буду догонять по этой улице, — распределила она роли. — Стой! Стрелять буду! — побежала девушка дальше с остальными республиканцами.

Выстрел в воздух не остановил незнакомцев. В ответ они тоже пальнули из двух стволов, что моментально перевело мужчин из разряда подозреваемых в разряд врагов. Республиканцы больше церемониться не стали и вскинули ка-

рабины. Выстрелы эхом отразились от стен домов, заставив нерадивых жильцов плотнее задернуть шторы на окнах, где сквозь щели еще пробивались лучи света. Преступники свернули влево, как и предполагала Бланка. Достигнув очередного перекрестка, военные остановились в растерянности. Беглецов нигде не было видно.

— Обыскать подъезды! Они не могли никуда деться.

С того края улицы в их сторону двигался сержант с пятеркой бойцов. Район поисков сужался. Капрал только шла и принимала доклады.

— Подъезд осмотрен. Никого.

Вторая группа и аналогичный доклад: «Все чисто». Справа в шикарном двухэтажном особняке в окне засветился электрический свет и тут же погас.

— Это что за здание? И флаг на нем какой-то непонятный? — повернулась к своим парням девушка, чтобы кто-нибудь дал ей вразумительный ответ по этому вопросу.

— Финское посольство, — дал пояснения Карлос. Он работал таксистом, поэтому хорошо знал город.

— Пошли, — повела всех за собой Эстель.

— Капрал, может не стоит? Зачем нам дипломатический конфликт? Эти ноты протеста. За такое по головке не погладят, — предостерегал Карлос девушку от необдуманных поступков.

— Идемте, вам говорят. Больше им спрятаться негде, — настаивала на своем Эстель. Она уверенно забарабанила ку-

лаком в массивную дверь. В ответ тишина. Пришлось подключиться парням. Стучать прикладами получалось значительно громче.

— Если не откроете, мы выбьем двери! — начала угрожать Бланка. За дверью послышалась возня, и они со скрипом открылись, образовав на пороге широкую полосу света. Сотрудники СРП ринулись внутрь и просто ошалели от увиденного зрелища. Посольство было битком набито людьми. На первый взгляд их здесь было больше сотни.

— Где посол? — повела Эстель маузером в сторону перепуганных граждан.

— Служащие посольства переехали в Валенсию, — пробился вперед пожилой мужчина.

— Ты кто такой? — теперь ствол пистолета смотрел незнакомцу в живот.

— Я работаю при посольстве. Присматриваю за зданием, — получила она ответ.

— А эти кто такие?

— Беженцы, — пролепетал мужичок.

— Это те, кто стреляет нам в спины? Сейчас проверим этих беженцев. Сержант организуй охрану и выводите всех из здания. Подозрительных особ обыскать, — распорядилась капрал.

— И куда мы их денем? — задал резонный вопрос сержант. — В участок не поместим.

— Поведем в ближайшую тюрьму Модело, а там пусть

разбираются, кто есть кто, — вышла из положения Эстель.

Они вывели огромную толпу людей из посольства и под конвоем повели их по ночному городу. Встретив по ходу движения еще несколько патрулей, усилили за их счет охрану задержанных. Когда в тюрьме заметили колонну людей направляющихся к ее стенам, то Мельчор Гарсиа подумал, что намечается штурм Модело. Хорошо, что вовремя разобрались и не открыли огонь. Гарсиа лично вышел навстречу колонне и отказался принимать задержанных, сославшись на отсутствие мест. По этому вопросу у него вышла перепалка с безумной девицей капралом, которая не постеснялась подключить к их перепалке и самого нового советника по безопасности Саньяго Коррильо, которому она смогла дозвониться с ближайшего телефона. На Родригеса надавили сверху, и ему пришлось открыть ворота тюрьмы. Чтобы потешить свое самолюбие Мельчор потребовал, чтобы Эстель лично расписалась за сдачу задержанных, а чтобы их идентифицировать, необходимо было провести как минимум беседу с каждым. Девушка поняла, что из-за мести начальника тюрьмы, она останется здесь надолго. Тюремщики хоть и проявляли свою гостеприимность, угощая девушку кофе, но, тем не менее, свою работу делать не спешили. Торчать при допросах беженцев она не собиралась, и чтобы как-то занять себя слонялась по тюремному двору и другим помещениям, куда могла пройти. Здесь она и увидела двухэтажный автобус и вооруженный конвой, который ожидал выдачи в их распо-

ряжение группы заключенных. Небольшой беседы с конвоирами хватило, чтобы понять, куда и для чего они собираются перевозить политзаключенных. Если сотрудники учреждения еще станут готовить людей на отправку, то когда же они завершат процедуру с ней? У Эстель возникло стойкое желание поскандалить с дежурным по тюрьме. Нашла этого лейтенанта и высказала ему все, что думала об организации работы в учреждении. И тут в коридоре совершенно случайно встретила русского парня, которого про себя называла «мексиканцем». Оказалось, что он работает переводчиком, вот почему так хорошо знает испанский язык. Мадрид город большой, но почему-то именно с «мексиканцем» за последние несколько дней ей пришлось так часто встречаться. Когда же в коридоре Модело столкнулась нос к носу с Касорло Мауре, удивлению не было предела.

— Это ты? А я-то думаю, о ком мы разговаривали с советником по безопасности? Говорит, позвонили из тюрьмы и жалуются, что какая-то девица привела сотню задержанных и парализовала работу Модело. Оказывается, что это ты? И не побоялась проверить финское посольство. Молодец! — похвалил ее Хосе Мауре.

— Вы же сами призывали нас очистить город от контрреволюционеров, — напомнила Эстель мужчине ранее сказанные им слова.

— Говорил, говорил, — не отказывался тот. — Если бы раньше знал, что ты такая боевая, то утром не присылал бы

своего комиссара, а поставил тебя руководить участком, — пожалел Касорла о ранее принятом решении.

— Я не офицер и мне не положено, — особо не расстраивалась Бланка, понимая, что быть руководителем такого ранга хлопотное дело. — И комиссара вашего я не видела. С ночи здесь торчу.

— А нам именно такие люди как ты и нужны. Умная, решительная, да еще и член партии JSU. Я сообщу Каррильо, что мы имеем преданных соратников. Пусть подумает, где лучше всего тебя использовать.

— Спасибо за доверие. Мне и у себя нравится. Вы бы лучше помогли мне отсюда освободиться. Начальник тюрьмы решил мне отомстить за его бессонную ночь и не отпускает, пока я всех задержанных не передам, — попросила о помощи Бланка.

— Конечно, я поговорю с Гарсиа, — обещал Касорла.

Разговор состоялся и дежурный офицер сообщил ей приятную новость, что теперь ее присутствие при оформлении задержанных не понадобится. Эстель из тюрьмы позвонила в свой участок и попросила прислать за ней машину. Когда она откинулась на спинку сидения в автомобиле Кортеса, то смогла с облегчением выдохнуть.

— Я же говорил, что не стоило вламываться в это посольство. Одни только хлопоты, — буркнул водитель.

— Ничего ты не понимаешь. Среди этой массы людей много тех, кто нас люто ненавидит, а это враги. С врагами

надо бороться, а не думать, что это может быть хлопотным делом. Что нового в участке? — устало, спросила девушка.

— Новый комиссар прибыл. Судя по пламенным речам, наверняка коммунист, — доложил Карлос.

— Об этом я знаю. Встретила в тюрьме Карлосу Мауре. Он мне и сказал.

— Не говорил, что Африканская армия начала наступление в Каса-дель-Кампо? Возможно это наши последние деньки, — делился новостями Кортес.

— Не скули. Еще ничего неизвестно, — не обращала она внимания на его причитания.

— С таким бардаком как у нас город не удержать.

— Прикуси язык, Карлос. Ты где работаешь? Мы боремся с паникерами и саботажниками, а ты сам панику разводишь. Ты почему на бульвар Кастьяна повернул? — поинтересовалась пассажирка, заметив изменение маршрута.

— Если ехать прямо, то там столкнулись два грузовика и образовался затор. Так быстрее, — пояснил водитель. Неожиданно прямо перед их машиной перебежала улицу домохозяйка с кошелкой в руках. Карлос вовремя нажал на педаль тормоза. Этель бросило на лобовое стекло.

— Ты, что творишь? — закричала на водителя девица. Мужчина и сам был испуган от такого маневра. Он выскочил на проезжую часть и заорал в след убегающей испанке: «Куда ты прешь? Ослепла что ли? Дура!»

Не успел он закончить гневную фразу, как в проулке бах-

нул выстрел, и на улице появилось еще несколько людей, которые бежали в их сторону.

— Что такое? — открыла и свою дверцу Эстель. Возле нее остановился мужчина и показал рукой на дом.

— Там с чердака стреляют! — взволнованно сообщил он. Выстрелы привлекли внимание и нескольких добровольцев, которые следовали по своим делам.

— Кортес, за мной! — скомандовала она, и побежала в сторону прозвучавших выстрелов.

— Черт бы тебя подрал! Это не наш район.

Девушка на ходу доставала из кобуры свой маузер и не слушала причитания водителя. Добровольцы присоединились к Эстель. Прижимаясь к фасаду дома, мужчины продвинулись к углу здания. Один из них надел каску на свой карабин и высунул его в проулок. Фьють! — просвистела пуля.

— Пошли вперед! Я прикрою, — приказала Бланка и, сделав шаг в сторону начала стрельбу по окошку на чердаке. Стреляла, не особо прицеливаясь, а лишь для того, чтобы заставить стрелка не высовываться. Республиканцы перебежали открытое пространство и заскочили в подъезд. Девушка вновь спряталась за стену. В ее сторону бежало еще несколько человек с винтовками, привлеченных шумом перестрелки. Эстель достала свое удостоверение и ткнула парням его под нос.

— СРІР, — произнесла она, давая понять добровольцам,

с кем они имеют дело.

— В чем дело? — требовали парни пояснений.

— Стрелок или стрелки, засели на чердаке и стреляют по прохожим. Ваша задача проверить все квартиры снизу доверху. Может, там кто-то еще прячется. Сейчас парочка парней возьмут стрелка, а потом пойдете вы.

В доме один за другим загрохотали выстрелы.

— Пошли! — подтолкнула вперед Эстель новых добровольных помощников. Следом вышла из укрытия и сама и сразу же заметила, как из окна на чердаке пытается вылезти мужчина, с явной целью скрыться от преследования по крыше. Девушка отработанным движением пристегнула к рукоятке пистолета деревянную кобуру. Теперь ее оружие походило на укороченный карабин. Капрал прицелилась, насколько позволяло время. За что она и любила это оружие, так это за дальность боя и емкий магазин. Преступник шагнул на крышу, и тут прозвучало пять выстрелов подряд. Незнакомец взмахнул руками и полетел от чердачного окна головою вниз на булыжную мостовую. Последовал глухой удар.

— Что уже все? — уперся ей в спину подоспевший Кортес.

— Долго же ты шел, — с упреком в голосе сказала девица, приводя в исходное положение свое оружие.

— Пойди, осмотри труп. Проверь, нет ли при нем документов.

— Ага. Я сейчас, — размеренно двигался Карлос.

Бланка поняла, что быстро вернуться в участок не получится. Надо завершить дело, начатое на бульваре Кастаньяна. Потом было знакомство с новым комиссаром. Он потребовал отчета за прошедшие сутки и вел себя словно напыщенный индюк, распираемый от чувства собственной важности. На ночное дежурство Эстель не осталась, сказав, что свое она отдежурила сполна в тюрьме Модело. Начальник возмутился ее показной независимостью, но задерживать девушку не стал. Капралу выпадала возможность нормально выспаться при условии, что не случится авианалет или войска Франко не ворвутся в город.

Глава 8

Несмотря на то, что положение обороняющихся сил было катастрофическим, им улыбнулась удача. Седьмого ноября во время боев в Карабанчеле у убитого испанского офицера-танкиста была обнаружена подробная карта с планами противника по захвату Мадрида. Теперь она лежала у Миахи на столе. Генерал оценил стратегический замысел врага и еще раз воздал молитву Всевышнему за его помощь республиканцам, но если на этом помощь заканчивалась, то такой подарок судьбы больше был похож на насмешку со стороны Высших сил. Миаха со стороны смотрел, как его рассудительный начальник штаба обговаривает с русскими коллегами возможные меры противодействия франкиским генералам Мола и Вареле. Благодаря стараниям коммунистов, партии объединенной социалистической молодежи и профсоюзам в городе за одну ночь было мобилизовано более 12 тысяч добровольцев. Все имеющееся на складах оружие было роздано, но и его катастрофически не хватало. Наблюдался дефицит боеприпасов. Чтобы противостоять врагу не хватало резервов.

— Предлагаю для усиления направления главного удара противником перебросить в Каса-дель-Кампо основные резервы добровольцев, — начал перечислять Рохо имена командиров, которые должны были выдвинуться на указанные

рубежи. Люди подходили к начальнику штаба и, получив конкретное задание, сразу же покидали совещание. Сегодня дорога была каждая минута.

— Что у нас по мостам? — включился в работу Миаха.

— Это наша ахиллесова пята. Если фалангисты захватят переправы, то они сразу же хлынут в город и остановить их будет достаточно сложно.

— Я объехал рано утром все мосты, — начал доклад Горева. — Имеющиеся в распоряжении старые танки «Рено» и «Шнайдер» используем как огневые точки. Французский мост защищает полковник Ромеро. Он очень грамотно организовал оборону. Новый мост усилили артиллерийским оружием. Королевский, Толедский и Сеговийский оборудованы дополнительными баррикадами. Туда переброшено дополнительно шесть станковых пулемета. Гарнизон Сеговийского усилен женским батальоном, — докладывал товарищ Санчо. Услышав о женском батальоне, присутствующие заулыбались. — Используем все, что возможно, — развел руками Владимир Ефимович.

— Какие у нас есть еще резервы? — поинтересовался Хо-се Миаха у своего начальника штаба.

— На Виа Гранде в случае прорыва неприятеля в нашем распоряжении находятся несколько старых броневики, — ответил полковник Рохо.

— Не густо, — приуныл генерал.

— А что говорит командование Центрального фронта и

сам военный министр? — хотели услышать присутствующие о реакции высшего командования на бедственное положение мадридцев. Теперь пришлось отчитываться и самому генералу.

— Я звонил в Альбасенто. Там практически сформирована 11 интербригада, но ее командир Моше Штерн без приказа военного министра не решается выступить к Мадриду.

Все ждали продолжения. Создавшаяся тишина, словно сама вопрошала, а что же министр?

— Министра больше интересовал серебряный сервиз забытый им при эвакуации. Насчет интербригады, он обещал подумать, — продолжил Миаха. Горев бросил карандаш на разложенную карту столицы.

— Может, я чего-то не понимаю? Поясните мне, пожалуйста, как сервиз может быть важнее Мадрида?

— Не горячитесь, товарищ Санчо, — попытался успокоить военного атташе Винсент Рохо.

— Как тут не горячиться? В октябре командующий Центральным фронтом Асенсио Торрадо предлагал оставить город. Еле уговорили не делать глупостей и сами отстояли столицу. Сейчас военного министра больше интересуется серебряный сервиз, чем Мадрид. Зачем тогда все это? Ради чего гибнут люди? — возмущался комбриг. К нему подошел Кольцов.

— Галина, не надо этого переводить. Владимир Ефимович, держите себя в руках. Это Испания и надо принимать

во внимание особенности этой страны, — попытался корреспондент газеты «Правда» привести в чувство разочарованного в своей миссии военного советника. Горев нервно засопел.

— Может нам поможет резервами Центральный фронт? Там теперь командует новый генерал, Посас по-моему? Пока Мола предпринимает атаки непосредственно на город и не трогает фланги, может, следует оттуда снять пару бригад? — еще не совсем успокоился Горев.

— Посас запретил снимать какие-либо части с линии соприкосновения, чтобы не обвалить весь фронт, — ответил Миаха.

— Этот фронт рухнет, если падет Мадрид, — продолжал возмущаться военный атташе.

— По этому вопросу есть инструкция от Ларго Кабальеро о занятии нового рубежа обороны в районе Куэнко.

— Лучше бы он подумал, как удержать город, а не как отступить к Куэнко, — продолжал ворчать советник.

— Предлагаю нанести фланговый удар в районе Карабанчели, — предложил командующий танковыми войсками Павлов.

— Пока еще рано думать о контратаке. Ваши танки самая главная наша огневая мощь, при малочисленной артиллерии. Их необходимо использовать с наибольшей эффективностью. Пока у меня нет сил, чтобы организовать фланговый удар. Наша задача организовать неприступную оборо-

ну. Я звонил в Каталонию и мне обещали прислать в помощь колонну анархистов Дуррути, — прозвучала из уст начальника штаба первая приятная новость.

— Уж явно не Кабальеро так за нас переживал, — ни как не мог успокоиться Горев. Кольцов дернул Санчо за рукав.

— Сами прекрасно знаете, что в Каталонии сильно движение анархистов и у них практически двоевластие. Кабальеро там многого не решает.

В комнату забежал офицер для поручений и что-то прошептал на ухо генералу Миахе.

— Прошу внимания! Противник начал наступление. Прошу всех отбыть в части и делать своевременные доклады начальнику штаба для координации наших действий. Товарищ Андре, — обратился Миаха к советскому командующему республиканскими ВВС комбригу Смушкевичу.

— Я очень рассчитываю на вас.

— Comarada генерал, как только позволит погода, мы моментально нанесем бомбовые удары по колоннам противника и их тыловым частям, — заверил председателя Хунты Яков Владимирович. Офицеры начали расходиться. Кольцов, улучив момент, перехватил Сантьяго Каррильо.

— Хочу вернуться к ранее обговариваемой теме осужденных в тюрьмах Мадрида. Сегодня вы сами слышали, как зачитывал планы противника генерал. Одной из задач для своей первой колонны генерал Варела ставил захват Образцовой тюрьмы. Это то, о чем я говорил товарищу Антонио Ми-

хе. В Мадридских тюрьмах слишком много политических заключенных, которые при первой возможности встанут на сторону фашистов. С этим надо что-то делать, — не забыл Михаил Ефимович тему о политзаключенных.

— Я обговаривал этот вопрос с нашими товарищами. Чтобы принять окончательное решение я делегирую в тюрьмы своего заместителя Касорлу Мауре. Он изучит проблематику и доложит мне о способах ее решения. Возможно, именно сейчас пока рано принимать какие-либо решения, — ответил Сантьяго.

— Спешить не надо, но поторопиться стоит, — как-то непонятно ответил Мигель Мартинес.

— Хотел бы, чтобы и с нашей стороны для объективности присутствовал соответствующий человек. Товарищ Орлов уже определил кандидатуру такого человека и если вы не против, то он поработает вместе с вашим заместителем, — предложил Кольцов провести совместную работу.

— Я, конечно не против. Сейчас же дам соответствующее поручение Мауре, — согласился на такое предложение глава республиканского ополчения, ответственный за общественную безопасность в Мадриде. Мигель Мартинес вышел следом за Коррильо, чтобы найти в штабе Леонардо Мендеса. В этот момент в комнате и появился Сомов. Завидя своего переводчика Горев поспешил высказать ему все свое накипевшее негодование. Кольцов просил у него помощи, вот он и отправит этого Дон Жуана для работы с Мартине-

сом. О переводчике он уже побеспокоился, и теперь Сомова действительно можно было отправить в штаб какого-нибудь подразделения, где нуждались в подобном специалисте. Наступление националистов ставило перед штабом Рохо массу задач, решать которые приходилось совместными усилиями. Напряжение только возрастало, и второстепенные вопросы уходили на второй план. Так получилось и с Николасом.

Восьмого ноября ожесточенные бои продолжились с новой силой. Регулярные войска националистов в некоторых местах форсировали реку Мантарес и теперь в Мадриде шли уличные бои. Ларго Кабальеро наконец-то соизволил прислать подкрепления в виде 11 интернациональной бригады, которую с марша по частям вводили в бой в разных точках города. Ординарцы валились с ног, передавая различные приказы штаба. Берзин, Горев, Рохо, генерал Клебер командир 11 интербригады, постоянно колдовали над картой, расставляя красные и синие флажки, символизирующие о местах дислокации республиканских войск и войск националистов. Генералу Миахе приходилось лично выезжать на опасные участки фронта, чтобы воодушевить защитников Мадрида. Ближе к полудню в штабе позвонил телефон.

— Это вас, генерал, — объявил адъютант, протягивая Миахе трубку. Хосе прислонил аппарат к уху. Через несколько секунд выражение лица председателя хунты поменялось. То подобие улыбки, которое он пытался сохранить при любой экстремальной ситуации, бесследно улетучилось.

— Кто это? Что случилось? — заволновались присутствующие здесь сторонники республики, видя такие разительные перемены на лице своего руководителя. Мужчина прижал аппарат к животу и сказал: «Адьютант Посаса. Говорит, что коммунист и у него есть важное сообщение для меня».

— Коммунист? — оживился Каррильо. — Позвольте поговорить мне.

Миаха передал трубку.

— Я Сантьяго Коррилья, слышали о таком? Рядом со мной стоит Антонио Михе. Мы оба члены коммунистической партии Испании. Что вы хотели сообщить генералу Миахе? Командующий Центральным фронтом генерал Посас подписал приказ об отводе войск с Гвадаррамского участка обороны, — транслировал Сантьяго услышанные слова с того конца провода. В комнате пронесся возмущенный шепот. Коррильо продолжал разговор.

— Когда он подписал этот приказ? В десять утра. Приказ уже передали в бригады? Нет с ними связи? Очень хорошо. Отправили ординарца? Значит посыльный уже в пути. На чем он добирается? На мотоцикле. Спасибо, что предупредили. Ваш звонок очень важен для нас. Вы настоящий коммунист.

Когда разговор был окончен военные и остальные члены хунты могли высказать свое мнение.

— Я ожидал чего-то подобного, — устало присел на стул генерал Миаха.

— Это невозможно! Он оголяет наш фланг. Если Мола хлынет в образовавшуюся брешь, то город будет взят в клещи, — предсказал возможные последствия Висент Рохо.

— Надо звонить Посасу, — потребовал Берзин. На этот раз Горев не стал выплескивать свои эмоции, а просто отошел в сторонку со словами: «Кругом одно предательство».

— Это ничего не даст. Посас транслирует мысли Кабальеро, а тот не собирается драться за Мадрид. Им проще обвинить меня в сдаче города, чем лично помочь, — начал разочаровываться в успехе операции Миаха.

— Телеграфируйте Кабальеро. Требуйте отмены приказа Посаса, — настаивал на своем Берзин.

— Я с ним общался сегодня утром. Он лишь насмеялся надо мной и говорил, что у меня достаточно сил, чтобы отстоять город, — уныло отвечал генерал.

— Тогда не надо никуда звонить, — неожиданно заявил Сантьяго.

— Но в таком случае, отход частей из Гвадаррамы грозит нам поражением, — напомнил свои предостережения начальник штаба.

— Надо сделать так, чтобы этот приказ не дошел до частей.

— Каким образом? — хотели знать присутствующие.

— Посасу доложили, что с Гвадаррамой отсутствует всякая связь, поэтому он отправил приказ со своим ординарцем. Курьер выехал на мотоцикле. Отсюда до Таранкона не так

уж и далеко, но учитывая, что дороги запружены беженцами, то время на доставку приказа увеличивается. Этого курьера необходимо перехватить и изъять приказ, — по-простому объявил Каррильо.

— Как это изъять? Это же приказ командующего фронтом. Разве так можно? — удивился один из офицеров. — И кто это сделает?

— Не станем же мы ждать, когда с севера город откроют для удара? Посас принимая такое решение, скорее всего, заботился о том, чтобы в случае нашего отхода из города Гвадаррамские бригады не попали в окружение. Полководцы иногда ошибаются. Мы ведь не собираемся сдавать город? — поинтересовался у мужчин Висенте Рохо. — Если нет, то генерал просто ошибался, принимая такое решение. Мы исправим его ошибку. Товарищ Каррильо у вас имеются люди, чтобы организовать операцию по перехвату? — поинтересовался у Сантьяго начальник штаба.

— Найдем, — уверенно ответил советник по общественной безопасности.

— Что по этому поводу скажет генерал Миаха? — повернулся Рохо к председателю мадридской хунты. Окончательное решение было за ним. Генерал махнул рукой, мол, делайте, что хотите.

— Тогда судьба города в ваших руках, — подвел итог начальник штаба. Каррильо чтобы не терять времени поспешил удалиться с совещания. Он нашел своего зама и расска-

зал суть проблемы. Мауре задумавшись, почесал затылок.

— Я так понимаю, операция должна быть тайной? — уточнил заместитель.

— Правильно. Когда это все обсуждалось, у Миахи был я, Антонио Михе, Клебер, начальник штаба и несколько советских специалистов. Никого из НКТ или анархо-синдикалистов не было. Огласки эта операция не получит, но надо сделать ее чисто. У тебя проверенные люди есть? — ожидал ответа советник по безопасности.

— Проверенные-то есть, только они все на баррикадах. Да и проверенным быть мало. Понадобится транспорт и смекалистые парни.

— Ты хочешь сказать, что у нас не осталось смекалистых ребят? — возмутился Каррильо.

— Остались. Я вот что думаю. Этого посыльного надо перехватить до Мадрида. Если он въедет в город, то никто его здесь не найдет, — размышлял над заданием Хосе.

— Послушай, Мауре, если этот ординарец доставит приказ по назначению, то город окажется в весьма затруднительном положении. Мы и так держимся из последних сил.

— Я вас понял. Не будем терять драгоценное время. Помогите лучше с транспортом, — попросил помощи Касорла.

Организовать заслон на трассе соединяющей Таранкон и Мадрид ему удалось. Он туда отправил группу надежных милисианос. Парни должны были организовать проверку документов в районе Арганда-дель-Рей. Другой дороги в Мадрид

не было. Но шестое чувство подсказывало ему, что стоило перестраховаться на тот случай, если ординарец уже успел проскочить намеченное место засады. Однако под рукой людей, на которых он мог бы положиться и которые сохраняют тайну, у него не было. Все действительно воевали на баррикадах. И тут Мауре вспомнил об инициативной девице, которая смогла поставить на уши даже советника по общественной безопасности. Она состояла в партии объединенной социалистической молодежи JSU, в которой и он некогда состоял. Девушка боевая и знает что такое партийная дисциплина. Почему не рискнуть и не использовать ее?

До участка СРП автомобиль домчал его довольно быстро. Дежурный успел все-таки сообщить назначенному им самим комиссару о его прибытии.

— Я не к тебе, — отмахнулся от нового начальника отделения Касорла, заходя в нужный ему кабинет. Капрал копалась в ящиках своего стола. Увидев вошедшего заместителя Каррильо, встала ему навстречу. Парни, присутствующие в помещении и о чем-то беседовавшие, замолчали.

— Надо поговорить, — был краток Хосе. Бланка кивнула сослуживцам на дверь. Те моментально выскользнули в коридор.

— У меня есть очень важное задание к тебе, — начал разговор Мауре.

— Именно ко мне? Чем же я заслужила такое доверие?

— Ты состоишь в партии JSU, членом которой до недав-

него времени был и я. Доверить это задание могу только преданным людям, каковой ты и являешься. Плюс ко всему твоя инициатива с финским посольством была замечена наверху, — продолжал Хосе.

— Что конкретно вы хотите, чтобы я сделала?

— Сама видишь, какое сложное положение в городе. Наши парни едва успевают отбивать атаки фашистов. Генерал Посас, командующий Центральным фронтом, принял неверное решение об отводе республиканских бригад с Гвадаррамского фронта, что грозит сдачей Мадрида.

— Я, что разве могу изменить этот приказ? — не понимала она сути вопроса.

— Изменить не можешь, но перехватить, да. Его везет ординарец из штаба фронта расположенного в Таранконе. Нельзя пропустить его в Гвадарраму, — определил цель задания Касорла.

— Не проще связаться с Посасом и отменить приказ? — не понимала Бланка, зачем так все усложнять.

— Если бы все так было просто, я бы не стоял перед тобой, — начинал сердиться Мауре.

— Что конкретно должна я сделать? — попросила Эстель конкретизировать задание.

— Надо будет выдвинуться на шоссе, ведущее на Сиговию в район Кольядо Вильяльба и под видом проверки документов, организовать засаду на мотоциклиста, доставляющего приказ командующего Центральным фронтом.

— Я должна убить его?

— Ты должна добыть пакет и сделать все возможное, чтобы об этой операции никто не узнал, — ушел от прямого ответа Касорла.

— Кто будет со мной? — уточняла детали Эстель.

— Возьми любых парней из участка, кто может держать язык за зубами, — предоставил Хосе право выбора самой девушке.

— Машина?

— Ваш дежурный автомобиль, — кратко отвечал Мауре.

— Срок? — задавала вопросы капрал.

— Ординарец выехал из Таранкона в десять утра. Если поспешишь, то успеешь к Кольядо Вильяльба раньше него.

— Кому доставить документы?

— Я буду ждать твоего звонка, — закончил инструктаж Касорла и вышел в коридор, где ждал его вновь назначенный комиссар. В кабинет вернулись парни из СРПР.

— Чего он хотел? — кивнул на дверь Габриель Гарсиа.

— Собирайтесь, — перекинула девушка через плечо ремень с деревянной кобурой маузера.

— И куда?

— В Гвадарраму. Кортес готовь автомобиль, — приказала Эстель.

— А комиссар знает? — переживал водитель.

— Знает, что я беру автомобиль, но не надо ему говорить наш маршрут следования, — предупредила парочку капрал.

Глава 9

В этой гористой местности, на которую они выскочили из лабиринтов городских улочек, встречного транспорта было значительно меньше чем в столице. Редкие грузовики с крестьянами или добровольцами, чередовались конскими повозками и группами груженных нехитрой поклажей мулов, с погонщиками из местных пастухов. На каменистой почве произрастала скудная растительность, и такое отсутствие зелени, вызывало тоскливое настроение.

— Чего мы сюда поехали? Что тебе приказал заместитель советника по общественной безопасности? — ныл на заднем сидении Гарсиа.

— Потом скажу, — не спешила раскрывать карты капрал.

— Далеко еще ехать? До Кальядо Вильяльба семь километров осталось, недавно указатель проехали, — буркнул Кортес.

— Мост через горную речку видишь? После него и остановимся, — приказала Бланка. Легковушка, миновав каменный мост, остановилась на подъеме, который тянулся в гору. Эстель вышла из салона, чтобы размять ноги. Посмотрела на шоссе. Отсюда хорошо была видна дорога, и о появлении мотоциклиста, можно было узнать заранее.

— Капрал, вы можете пояснить, зачем мы здесь? — начинали требовать подчиненные.

— Ждем.

— Чего мы ждем? — нервничал Гарсия.

— Не чего, а кого. Здесь должен появиться мотоциклист с важным донесением. Наша задача перехватить его и забрать документы, — наконец-то соизволила она довести до мужчин цель их поездки.

— Кто этот мотоциклист?

— Он военный и везет секретные документы в гарнизон Гвадаррамы, — призналась Эстель.

— Мы тут, что каждого мотоциклиста останавливать станем? И зачем нам секретные документы? Это на разбой смахивает. За такое нападение могут быть неприятности, — приуныл Карлос.

— Всю ответственность я беру на себя. Маура сказал, чтобы я взяла лучших. Может, я ошиблась? — спросила в ответ Бланка.

— Мы с тобой давно работаем и знаем друг друга, — попытался смягчить обстановку Кортес.

— Тогда в чем дело? Мне поставили задачу, и я выполняю ее. Вы или со мной или..., — она не договорила.

— Операция тайная и о ней никто не должен знать. Если вам не нравится, то можете отказаться, только помните, что я вам рассказала о своих планах и вы, отказавшись помогать мне, становитесь свидетелями, — намекнула капрал на возможные последствия их отказа сотрудничать.

— Что они там за игры играют? — продолжал возмущать-

ся Гарсия, но отказываться не спешил. Эстель девушка крутая нравом и если сказала, что свидетели не нужны, то лучше ее не дразнить.

— Меньше вопросов Габриель. Лучше наблюдай за дорогой. Кортес, открой капот машины и сделай вид, что мы сломались. Не хочу привлекать лишнего внимания, — распорядилась капрал. Ожидание оказалось томительным. Нельзя сказать, что не было мотоциклистов, но они все двигались в сторону Мадрида, а не оттуда. Габриель успел задремать в салоне легковушки, когда на дороге появился мотоцикл. Кортес закрыл капот, и толкнул в плечо начавшего похрапывать Гарсию. Бланка выдала мужчинам красные повязки с изображением серпа и молота.

— Пусть думает, что мы милисианос.

Ординарец приближался к мосту через реку, когда заметил на обочине легковую машину и трех человек с красными повязками на руках, которые жестами приказывали ему остановиться. Какие-то нехорошие предчувствия зародились в его душе. Он начал сбавлять скорость и уже возле самого патруля неожиданно провернул на себя рукоятку газа. Мотор заревел, и испуганная троица разбежалась в стороны, пропуская вперед мотоциклиста. Гарсия обескураженно замахал руками.

— Стой! Куда ты?

Карлос даже не удосужился снять с плеча карабин. Их всех устраивал такой расклад. Вроде и Эстель не отказали

в помощи и рук не замарали. Бланка отработанным движением выхватила из кобуры маузер. Прищурила левый глаз, пытаясь поймать в прицел спину ординарца. Выстрел! Гильза звонко ударилась об асфальт. Второй. Мотоциклист вильнул и слетел в кювет. Эстель не пряча пистолет, побежала в его сторону. Гарсиа последовал за ней. Кортес внимательно осмотрелся по сторонам. Дорога была пустынной. В такое время суток, учитывая близость фронта это было нормальным явлением. Ускоренным шагом он последовал за товарищами.

— Зачем было стрелять? Ты же говорила, что у него просто надо забрать документы, — хныкал Гарсиа, остановившись у убитого военного.

— А как, по-твоему, я это могла сделать, если он не остановился? — рыкнула на мужчину капрал, выворачивая содержимое планшета курьера. Какие-то второстепенные бумажки, но только не пакет с приказом.

«Неужели обознались и это не тот человек, которого они ждут?» — испугалась девушка. «Кто же он такой и где его документы?» Она стала расстегивать китель убитого парня в надежде добраться до внутреннего кармана. И тут ее пальцы уперлись во что-то твердое. Девушка рывком расстегнула сразу несколько пуговиц. Перед ее взором предстал бумажный пакет, запечатанный сургучными печатями. Сердечко гулко забилося. Он! Значит, не ошиблась с мотоциклистом. Пакет был забрызган кровью. Но это теперь не важно.

Главное документы у нее.

— Помоги мне! — попросила она Гарсиа, подхватывая труп под руку. Тут подоспел и запыхавшийся Карлос. Он смотрел ошалевшими глазами, как его спутники тащат по асфальту убитого военного.

— Забери мотоцикл, — сквозь зубы прошептала Бланка.

— Куда мы его? — поинтересовался Габриель.

— К мосту. Давайте живее, пока на дороге никого нет.

Сотрудники СРП сильно спешили. Добравшись до моста, мужчина с девушкой перекинули через поручни тело ординарца в горную реку. Следом улетел и мотоцикл. Домой возвращались молча под впечатлением произошедшего убийства.

— Советую язык держать за зубами, — посоветовала капрал. Этот совет мужики восприняли как предупреждение. Они собственными глазами видели, как Эстель не моргнув и глазом, расправилась с ординарцем командующего Центральным фронтом. Если с ним так поступила, то и их при случае, не пожалеет. В дежурке Эстель сделала телефонный звонок, проронив в трубку лишь пару слов: «Пакет у меня».

Ждать пришлось недолго. Карлоса Мауре в своей кожаной куртке буквально ворвался в кабинет капрала.

— Где? — спешил он увидеть заветные документы. Бланка протянула замазанный в кровь пакет.

— Что это? — кивнул мужчина на бурые пятна.

— По-другому не получилось.

Он сорвал печати и пробежал глазами по листу с машинописным текстом.

— Он! — уверенно произнес Касорла и на радостях даже по — дружески обнял девушку.

— Я послал кроме тебя еще одну группу в Арганда-дель-Рей, чтобы перестраховаться. Они там поссорились с анархистами и устроили перестрелку, упустив курьера. Если бы не ты.... Я доложу советнику Коррильо о твоём поступке. Если, что-то случится, то обращайся. Я твой должник, — произнес Хосе Мауре и поспешил с докладом к своему начальству. Тут в комнату вошел новый комиссар.

— Зачем приезжал Касорла? Куда вы отлучались? — хотел он знать информацию о делах капрала и заместителя советника по общественной безопасности.

— Спросите у Мауре, — ничего не стала говорить Бланка.

— Раз так, то сегодня заступаете в ночное дежурство, — разгневался начальник.

— Как скажете, — устало ответила Эстель.

Ее дежурство ознаменовалось очередным авиационным налетом. Бомбы попали в несколько домов, и пришлось выезжать в район разрушений, чтобы не допустить паники среди населения и просто помочь пострадавшим. В отдел заскочила лишь утром. Хотела подписать у нового начальника какой-то отчет и пока рылась в бумажках, незаметно для себя, склонила голову на собственную руку, в пальцах которой оказался необходимый документ и просто уснула. Сколько

продлился этот сон, Эстель не помнила и сама. Очнулась от того, что ее тормозили за плечо.

— Капрал, что вы тут устроили? — стоял над ней новый комиссар.

— А? подскочила со стула девушка переполненная чувством вины, будто бы она совершила какое-то преступление.

— Вставайте уже. Хватит спать. Бегом в грузовик. Неприятель прорвался в город по Толедскому мосту. Сейчас собирают всех, кого можно, чтобы заткнуть эту брешь, — поделился нехорошей новостью начальник. Бланка открыла верхний ящик стола и забрала оттуда дополнительные патроны к своему маузеру, распахав боеприпасы по карманам. Во внутреннем дворике участка уже тарахтел заведенным двигателем грузовик, в кузов которого грузились все сотрудники СРП, которых смог собрать комиссар. Рядом с грузовиком мерно рокотал мотором и их дежурный «кадиллак», возле которого крутился Кортес. Бланка по привычке заняла место в салоне кадиллака.

— Что вы себе позволяете? — возмутился комиссар, зайдя в салон капрала. Времени на объяснения не было. Карлос включил передачу, и машина вырвалась из ворот участка на улицу. До места прорыва они не доехали несколько кварталов, и остальной путь проделали пешком. При чем Карлос собирался остаться дежурить у машины, но этот номер с комиссаром не прошел. Не помогли и рассказы о многолетней семье. Дети были у всех и исключений начальник никому

не делал. Команда комитета по общественным расследованиям немного растянулась и появилась в опасной зоне не одновременно. Бланка оказалась в первых рядах. Когда на них вылетела марокканская конница, то ей ничего не оставалось делать, как заскочить в первый же подъезд и подняться по ступеням повыше. На площадке заметила парней из национальной гвардии. Та-та-та! — заработал пулемет. Капрал вошла в квартиру, из которой раздавалась стрельба. Посредине комнаты лежал убитый солдат. У окон стояли гвардейцы, которые палили по марокканской коннице из карабинов. Но центральной частью этой картины был станковый пулемет и человек в гражданской форме одежды, но при этом в армейской каске, который вел стрельбу из «Гочкиса».

— Патроны! — закричал пулеметчик, перехватывая планку заряженного магазина, которую ему передал военный, сидящий у ящика с патронами.

— Чего стоишь? Помогай! — толкнули ее в спину по направлению ко второму номеру пулеметного расчета. Пальцы сами собой захватили пригоршню боеприпасов, чтобы наполнить новый магазин. Гочкис быстро выплюнул пустую планку, и стрелок снова завопил: «Патроны!». Она протянула ему магазин. На какое-то мгновение взгляды Бланки и пулеметчика встретились. По знакомым чертам лица девушка опознала в этом гражданском человеке знакомого ей русского парня.

— Мексиканец? — удивленно произнесла она. Вначале

армейский шлем не позволил ей узнать советского специалиста, а сейчас, когда он повернулся к ней лицом, Бланка с уверенностью могла сказать что это именно Николас. Так, по крайней мере, он себя называл.

— Ты? — был не менее удивлен и сам русский товарищ.

В этот момент по их окнам стеганул свинцовой струей ручной пулемет врага, и Кольке пришлось присесть на пол возле Эстель, чтобы спрятаться от пуль. Он перехватил у нее заряженный магазин таким образом, что рука Бланки оказалась в его ладони. Из-под потолка посыпались им на голову осколки разбитой люстры. Они со звоном ударились о каску парня, что вызвало улыбку на лице девушки. Как только огонь перенесли на другие окна, Сомов снова поднялся и перезарядил пулемет.

— Они нас обошли, — сообщил сержант, выглядывая на улицу из оконного проема.

— Теперь мы в окружении.

Переводчик успел выпустить по передвигающейся пехоте еще один магазин, когда его снова взял на прицел пулеметчик из соседнего, занятого регулярес дома.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.